

БИБЛИОТЕКА АНТОЛОГИИ РУССКОЙ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ XXI ВЕКА

Геннадий Мирошниченко

СОЛНЦЕ

ПОЭМЫ

2016

УДК 821.161.1(470.312)

ББК 82.3 (2Рос) 6

М 63

Геннадий Мирошниченко. Солнце. Поэмы.

Тула: ИП Пряхин В.К., 2016. 144 с.

ISBN 978-5-

В книге представлены поэмы разных лет и размышление о своей странной жизни.

ISBN 978-5-

© Мирошниченко Г.Г., 2009 – 2015

Геннадий Мирошниченко. Солнце. Поэмы

ОТРАЖЕНИЯ. Поэма об ушедших друзьях

Геннадий Мирошниченко. Солнце. Поэмы

Затылки дрожали.
Меня же моими
четвертовали...

4

Но отрастали
ноги и руки, –
Ах, как щекочут
смертельные трюки! –
Язык вырывали –
он лез
из начала,
Стихами кровавыми
глотка кричала...
Я поднимался...
Голос хрипящий
Опять раздавался
в гиене
кипящей:
– Да здравствует Жизнь,
Чтобы в ней
не слышали,
Что где-нибудь
кто-то
кормился
стихами!
– Да здравствует жизнь
Отраженьями света!
– Да здравствует память,
Стихи
и поэты!

5

Гоголь.
"Мёртвые души",

7

Геннадий Мирошниченко. Солнце. Поэмы

второй том.

Костёр из листов дымится.

Воет,

корчится

ведьма-страница.

Пуст

без Гоголя

гоголев дом.

Гоголь спит, –

Не будите его! –

Лучше спать

и не знать ничего,

Чем душой разрываться

на атомы

И себя

на страницы

наматывать...

Жизнь-поэму

безумно любя,

Это –

Гоголь

сжигает

себя!

По своей

и по Господа

воле...

Болен он?

Грех

его вывернул, что ли?...

Это –

Гоголь

Сжигает себя!..

6

Циолковский –

Геннадий Мирошниченко. Солнце. Поэмы

в Калуге.

Тропа

Пробежала

у домика Гоголя.

Причаститься –

у Космоса,

Бога ли? –

В этом месте –

к музею толпа.

7

Жгут костры,

кое-где ещё – рукопись,

Ты, Природа,

добра не ко всем,

То ль поднимешь,

то ль рявкнешь:

"А ну-ка, брысь!",

Выжигая

память-посев.

8

Ни один из пиитов

не голоден –

Строчим,

умненько поголодав, –

Том второй,

уничтоженный

Гоголем,

Оказался

с судьбой не в ладах...

9

Отраженья

Природой

9

Геннадий Мирошниченко. Солнце. Поэмы

распяты -
Не прочтём,
лиходеи,
растяпы...

10

Гоголь
"Мёртвые души",
том два...
Чёрный пепел
над миром
струится.
Гоголь спит.
Где-то воет волчица...
Гоголя мёртвым
Рисует молва.

Рассказ второй. О Времени

1

Есть первый друг,
который просто первый,
Который в жизнь вошёл,
как эталон,
Который и единственный,
и верный,
И совести мальчишеской
закон...

2

...А время шло
и всё заметней было,
Что в новизне на нас идущих дней
Слабела согревающая сила

10

11

Простые истины не так просты собою
И добродетель
чаще спит, чем ткёт.

И оттого, что веяло весною,
Не сразу лето красное придёт.

12

Телепатии нет.
Есть судьба.
Не у всех есть
талант иль удача, –
Есть
такие,
что лепят играючи,
Превращая дорогу в раба.
Есть –
с пелёнок
индийский божок:
Что ни шаг,
то в копилку шажок,
И надежды
не только
на задовость...
Ах, как верить не хочется в заданность!

13

Дружба –
не сумма усилий
двоих –
Попытаться
из прозы
вылепить стих, –
Не в два раза умней,

Геннадий Мирошниченко. Солнце. Поэмы

не в два раза сильнее,
В половину трудней...

14

Если окажемся
в жизненной
яме,
Тянемся к тем,
кому стали друзьями.
Друг не предаст,
не продаст,
не осудит
И не оставит
на тонущем судне.

15

И не помочь
ни горю,
ни слезам –
Кому же верить,
если не друзьям?...

16

Одни и те же заданы вопросы
Моим друзьям и мне.
Ответы где? –
Кристаллы голубые купороса,
Они растаяли
в накрывшем нас
дожде.

17

Между друзьями
дух соревнования
Не приведёт к счастливому концу –

К кончине
дружбу обречь заранее
Им
не к лицу.

18

Вдруг случится –
в окно постучится
Всеразлучное время потерь –
То ли будто бы шалая птица,
То ли кем-то
напуганный зверь.
Друг мой, старый,
а мне – тосковалось.
Очень долго,
натуру двоя,
Почему-то, как малая малость,
Принималась удача твоя.
Не она между нами стала,
Не обидно было до слез –
Позабыл ты –
твои начала
Я
в подарок тебе
преподнес.
И со школьной поры
давнишней
Мы отправились
по пути,
На котором друзей
нелишне
На ухабах не растрясти.
Жизнь, начавшись,
рванулась лавиной,
Тот удачлив,

Геннадий Мирошниченко. Солнце. Поэмы

кто весел и смел.
Не жалеть бы для друга,
любимой
Ничего!
Только времени я пожалел.

19

Одиночество –
хуже расплаты
За грехи,
и свои, и других.
Одиночество –
хуже растраты,
Когда ветер таланта
стих.

20

Дар общенья –
что дар провиденья,
Как с соломкой –
и падать легко.
Больно, друг,
если поле владения
Есть причина
и БЫТЬ далеко.

21

Я чувствовал –
меня он вычислял.
Так вычисляет,
пыльно, равнодушно,
Послушный робот –
друг великодушный, –
Нацеленный в пространство сквозь овал.
Так вычисляют многие –

Геннадий Мирошниченко. Солнце. Поэмы

Он – в люльке поражений,
громоздил
цепочку продолжений,
Уже чуть-чуть уставший
от побед.

22

Вы когда-нибудь слышали
про
Идеальный жизненный слух?
У меня был
удачливый друг,
Умудрявшийся делать
добро.

23

Может, зависть,
а, может, испуг –
Почему я один?
Почему –
друг не друг?
Отчего,
разгораясь,
зудит в тишине –
Может,
дело – не в нём,
может, дело –
во мне?...

24

Ему о том
не помнить бы посметь.
Так сторонятся тех, кому обязан,
Пожизненно

одною цепью связан,
А раскуёт её
лишь наша чья-то
смерть.

25

И он ушёл.
А я стою на прежнем –
Перешагнуть себя
не стадо сил.
Завидовать друзьям в пути безбрежном
Я никогда
в душе
не выносил.
И как теперь не выглядеть
хилее?
Один остался.
Слезы лить кому?
Все далеко
и вряд ли мной
болеют
И жаждут встреч, как встарь,
в моём доме.
Друзья мои, а я без вас
скучаю.
Да что – скучаю! –
просто же могу!
Дождаться и не верю и не чаю,
Последнее, как совесть, берегу.
И кажется глубокими ночами –
Готов бежать как ошалелый вдруг,
Увидев за отрывистым "Встречайте!"
На телеграфном бланке
слово "Друг".
Всех вас – моих –

Геннадий Мирошниченко. Солнце. Поэмы

на этом свете
мало –
Мы
как-то так в дорогах
разбрелись,
И, видно,
время встречи
не настало,
И разные пространства не сошлись.
Но ведь уходит –
Как уходит! –
время,
И кто-то –
Сколько их! –
совсем ушёл
И в нашем сердце, больше не старея,
Он вечное пристанище нашёл.

26

Какая тишь!
Ни кутерьмы,
ни вас...
Мне даже воздух кажется прохладным.
Я возвращался в память
столько раз,
Что это, кажется,
навсегда
станет главным...

27

Как далеки мы,
старые друзья!
И наши годы вдаль уносит ветер...
Я понимаю –
возвратить

На день рождения звезды.
Нам три минуты помянуть,
Кому руки не протянуть,
Того, кто не продолжит путь,
Шепнуть не сможет: "Не забудь!".

Не стали б мы упоминать,
Что кто-то выпадет опять,
Не приоткроет тихо дверь
Вселенной плачущих потерь.
Войдём скорей под старый джаз!
Оркестр настроится на нас.
По кадрам памяти рысцой –
Кларнета голос с хрипотцой.

Звучи, мелодия, играй!
Напомни про ушедший рай!...

Нет, мы не станем ворошить,
Кому начертано вершить,
Кому – собой не дорожить...

Мы с ними вместе будем жить...

7

Но пролетели дни.
Вокзал.
Билет.
И маленькая станция у речки,
К которой –
Невозможно сколько лет! –
Мы бегали и жались, как овечки.
В ней были раки, чёрные, как смоль.
Мы их ловили в розовом рассвете,
Варили, вспоминая лишь про соль,

9

...И я пришёл к нему с повинной –
В лицо родное посмотреть.
Мир изменили вполовину,
И неизменна только смерть.
А я спешил его увидеть
И нёс, как девушке, цветы,
А он лежал в немой обиде
Среди прощальной суеты.
Когда-то вместе мы смеялись,
И вместе пели и росли,
И одинаково влюблялись,
Но вот по-разному пошли.
Лежит спокойно с чёрным шрамом,
И ничего не слышит мать.
Он так хотел прожить недаром
И никогда не отступить.
И я пришёл к нему последний,
У ног печально постоял,
Сглотнул слезу, как мякиш хлебный,
Последний раз его обнял...

10

...Я прихожу теперь к могиле.
На ней – фуражка со звездой,
Цветы у холмика застыли,
Как в карауле – часовой...

11

Схоронил я друга
в землю стыльную,
В черно-звёздную
и белую,
простынную,
Проявлялось ею,

Геннадий Мирошниченко. Солнце. Поэмы

как снежинками,
Покрывало
с чёрными прожилками.
Закружились
вихри
снежной замяти –

Одеялом
я накрыл его
из памяти,
Окунул,
как в детстве,
в траву росную
И повесил по-над лугом
даль
морозную.

Отдыхай,
мой дорогой,
к нам заглядывай,
Если тяжек твой покой,
слезы
сглатывай! –

То ли в небе
твоё тело,
то ль в земле сырой,

То ли –
мать
песню пела,
то ли –
бабий вой.

Мы увидимся
в зеркальном
звёздном отражении...

Над могилой,
белой-белой, звёздное кружение...

Рассказ четвёртый. Идеалы

1

Нематерьяльная душа
Опять,
 дойдя до мёртвой точки,
На острие карандаша
Марает белые листочки
И вверх подбрасывает их,
Надеясь, что склюёт удача,
И в каждый,
 самый робкий штрих,
Мечту несбывшуюся
 прячет.

2

А нас убьёт
 пренебреженье,
По душам родственным
 движенье
Отрав
 из ядовитых трав,
Проросших в нас
 обманных прав
На обладание друг другом,
Главенство
 боли над испугом,
На унижение
 страстей
Преступной смелостью детей,
Пренебрежение
 послушать,
Впустить
 в себя
 чужую душу.

Геннадий Мирошниченко. Солнце. Поэмы

как боги –
Пробитые лбы,
Умиление
и плач,
И удары судьбы.

5
Сколько нынче
седых
От квартирных
сетей
Как ударов
под дых –
От словесных
плетей...
Сколько нынче убогих!..

6
Моя любимая подруга,
Играя роль жены и друга,
Опять забыла все слова
И не по пьесе послала;

Глядела, как на истукана,
Поила ядом из стакана,
В него подмешивая слезы,
Мои стихи, свои угрозы...

7
А вы не пробовали сами
В семье свести
концы с концами,
Вниз головой
латать
изъян,

Геннадий Мирошниченко. Солнце. Поэмы

Напоминая
обезьян?

8

Её любил,
её хвалил –
Боготворил...
Её молил
землёй могил...
Да, видно, зря –
Не помогла
понять
земля
Потрачен пыл,
разрушен тыл...
Но всё равно её любил!

9

Есть истина:
жена – подруга жизни.
По ней служить
супружнице капризной
Кому не довелось –
счастливый человек –
Родился не в смирительной рубашке
С душою
как ворота –
нараспашку.
А что сильнее скрашивает век?

10

Свободные
не ведают темницы.
Как привлекательны из разных книг страницы,

Так
 смертный враг кокетству жизни праздной –
Семейной скуки
 воплъ однообразный.

11

И я отпил
 от истины
 глоток,
Обезопасив
 разум
 эгоизмом –
Мозги чисты, пусты, как после клизмы,
И нет нужды распутывать клубок.
Жене доверился.
Она сперва терпела –
Квартира, быт, семья... –
Сводить концы хотела...
Но...
 понесла фантазия
 меня:
Писательство –
 болезнь
 литературы –
Неделями
 в безмолвии фигура.
Я ускользал из-под её цепей.
Не приняла подруга перемен –
Бессмертье в будущем ей виделось,
 как плен.
И чёрт меня толкал:
 “Запей, запей!”.

12

Тут ясно – до тебя открыли жилу:

15

Когда законами рассудка
Руководят со дна желудка,
Карьеры
 следующий вершок
Буровит
 в завитках кишок,
То –
 зад
 на месте
 призовом
Талантом истинным
 зовём...

16

Уж лучше
 истина – в вине,
Чем слепо следовать
 жене.

17

Я понял –
 нету в истине
 цены –
Теперь уж –
 ни подруги,
 ни жены...

18

Любовь моя,
 как призрачен покой!
Обманчива
 взлелеянная верность –

Круги колышет
сонная поверхность
И ветер гладит нежною рукой...
Я отражаюсь в круге и в себе,
В любимой, в детях, в этом отраженьи,
В своих друзьях, работе, дне рожденья,
Во всей цепи –
в судьбе и несудьбе...
Как в зеркале,
несбывшийся живу –
Лишь оболочкой, –
остальное прячу.
Невидимо под оболочкой
плачу
И отражаюсь
в смехе
наяву...

19

Разросся джин,
что лишь едва витал, –
Какой обман,
ником не искупленный! –
В любви его несёт любой влюблённый
Несокрушимой верой в идеал –
До самоистязанья,
помраченья,
Истерики в любви,
до отреченья
И даже до желания убить,
В протест любимым –
на фонарь завывать
И так остаться.
Шествует пожар –
Всё меньше слов,

Не приближайте женщину к себе,
Чтобы потом не плакала, не билась,
Чтобы душою в вас не растворилась!
Не приближайте женщину к себе!...

Не делайте единственной в судьбе!
В ней столько мук! –
В душе – сугробы снега.
Чужая боль струится в гроздьях смеха
Той женщины, дарованной тебе.

Не приближайте женщину к себе!
Не приближайте, не пытайте счастья!
Опаснее на свете нет причастья!
Не приближайте женщину к себе!

Напрасны унижения в мольбе –
Ее законы мир не установит,
Любое в вас движенье остановит.
Не приближайте женщину к себе!

Глаза ее принадлежат рабе,
Но пламя вас невидимое лижет.
На вертела себя и вас нанижет,
Когда ее приблизите к себе.

Не отдавайте руку и мечту –
Жизнь презирает наши обещанья,
Оставит лишь слезу воспоминанья,
Ничтожность встречи канет в темноту.

Ее же, и приблизив, и любя,
Вы будете во сне своем страшиться.

Геннадий Мирошниченко. Солнце. Поэмы

С находкой вашей вам не примириться.
Не отдавайте женщине себя!

Без женщин вы – и трезвы, и чисты,
И в помыслах – любвеобильно глухи.
Очнитесь! Вас уже объяли духи,
И мир парит вдали от суеты.

Без женщины – не плакать и не петь.
Зачем рождаетесь и важно воду льете?
Чтобы узнать о сладостном полете
И сделать все, чтоб в небыль не взлететь?...

Притягивайте женщину к себе
И растворяйтесь душами друг в друге,
И, замирая в сказочном испуге,
Страшитесь одиночества в судьбе!

Берите у нее – она отдаст
И кровь, и сердце, чтобы ваше билось
И чтобы вечно напряженно длилось
Прекрасное мгновенье без прикрас.

Так приближайте!
Не чурайтесь бед!
Нет высшего, чем у нее, волненья –
До гения святого дополненья
Всех ваших дел, мечтаний и побед!...

Рассказ пятый. Жить

1

Не умирай,
пока живёшь
И смейся,
плача и стеною,
Чтобы дрожала Костяная!

Не умирай, пока живёшь!..

Судьба не будет стоять

грош,
Когда любимая прозрела,
Тебя за слабости презрела –
Не умирай, пока живёшь!

Не умирай, пока живёшь
Когда ты обделён любовью!
Пусть ярость же
ударит кровью!

Не умирай, пока живёшь!

Не умирай, пока живёшь! –
Во снах тебе любовь приснится,
Но в снах
позорно
раствориться –
Не умирай, пока живёшь!

Когда ж упал,
тоску не множь!
Друзья не вытянут за руку –

уродливо пасть!

3

"Как здоровье?

Болеешь?

А жаль, дорогой!

Знаешь,

мне невозможно сейчас без деньги –

Или я – под конём,

или конь – подо мной..

Жёны, знаешь...

Свою пьесу отдай!

Помоги!".

4

Денег нет? –

Я подам!

Сто рублей? –

Сто рублей!

На вино!

На любовь!

На женщин и жён!

На, бери!

У меня же – не счесть! –

За двоих, за троих –

ни ночей и ни дней.

Выбирайте друзей!

Выбираю –

смешон...

5

"Я уже, как свою,

и на конкурс подал.

Упростить помогли –

Геннадий Мирошниченко. Солнце. Поэмы

ты не слишком учён...
Говорят:
 повезёт,
 так грозит пьедестал,
Ты же бросил...
 Пылится...
 Цена... нипочём".

6

Ах, как больно ударил!
 И ниже пупка...
Корчусь:
 рана в крови,
 и боль –
 сверху вниз.
Спец по женским сердцам,
 наша жизнь коротка.
И позор,
 если друг оказался
 садист!
Задохнулся.
 Не молвить.
Ни сил,
 ни друзей,
 ни рублей!
Сам пригрел и вскормил –
Где граница
 любвей?
На бесчестье идём,
Сытость
 дружбой зовём.
Как позор пережить,
По-собачьи
 не выть?...

Геннадий Мирошниченко. Солнце. Поэмы

талант
по квартирам
под плешь
затаскал.

Это им
торговал в темноте
шепотком.

Ты
ужимками жалких ночных приживал
В лицедействе
привык пробавляться
куском.

9

Краски ночи –
без солнц.
Грозы мира –
без луж.
Ты собою навывнос
пошёл торговать.
Дружба –
разве когда проституция
душ?
Когда в душу
даёшь
грязный палец
совать?
Я, слепец,
эту слабость
в тебе пестовал,
На подарках, подачках
вынашивал долг...
Я прозрел...
Я кричал...

Геннадий Мирошниченко. Солнце. Поэмы

Я кричать уставал –
Ты – не слушал всегда
я-то думал –
оглох...

10

Дружба –
разве когда платонически сыт?
За бедным столом
друг на друга глядеть?
Если надо –
на душу,
на голенький стыд
Наплюёшь! –
и под ноги! –
Чтоб ноги о них
обтереть.
Если надо –
Беда! –
до фигуристых фиг,
До последнего! –
сбросишь границы
с сердец.
Что – рубаха, штаны! –
За один её миг
Всё отдашь, не заметив,
что друг – и палач,
и подлец.

11

Мне
рубилась кресты
мыслей чёрных
черней.
Ни звонков,

Геннадий Мирошниченко. Солнце. Поэмы

ни открыток,
ни радостных встреч.
В прорву слов
и ночей,
опостылевших дней
Ты сбежал,
ты себя поспешил уберечь.

12

Это – мысли и горе! –
кричала душа.
Я опять,
как во сне,
перекраивал мир.
Глыбы плоти
и болей
перемешав,
Бетонировал
в мысли,
как в стены квартир...

13

Я болел.
До него.
И после.
И с ним...
Что случилось? –
Пусть! Небо стало темней!
Разве автор не может принять псевдоним? –
Чем подлей,
тем –
больней.
Или кажется мне?...

Геннадий Мирошниченко. Солнце. Поэмы

Жизнью рассыпан?
И смеётся
и стонет,
что было душой,
Да по телу
сердечный проносится сбой. –
Я простил бы,
да грех
пред душою
большой.
Лучше б грех,
чем покой!
Лучше б смех,
да с тобой!
Я простил бы,
да память
никак не простит,
По ночам
загрохочет
железным листом...
С ней
иду на костёр,
называемый стыд...
"Не встречать бы!" –
опять
обжигаюсь
костром...

15

Человек умирает –
взрываются звёзды...
Сколько звёзд!..
В чёрном небе
из них –
карусель.

Геннадий Мирошниченко. Солнце. Поэмы

Ждём весны,
 будто новые вёсны
Нам заменят
 любимых
 и наших ушедших друзей...

Рассказ шестой. Весна

 1
Ни друзей,
 ни любимой
 не стало...
Ни сил...
Но в груди
 снова ожил,
 забил
 метроном.
Он ещё жаждал
 жить
 и нестись
 напролом,
Он в себе ещё
 песню
 беззвучно
 носил...
Я воспрянул:
 "Надежда...
 Несложно уйти".
Ведь уйти –
 это сдаться,
 свалиться,
 простить.
"Не свалюсь! –
 я кричал. –

то – лесь.

Не подгоняют больше встречи,
И реже, чем хотел и мог,
Друзей взволнованные речи
Твой обрывают монолог.
И вместо памяти – заботы,
Не наяву – во сне – полёт...
Больней аukaется что-то,
Что не сбывается, а жжёт...

2

Мальчишка, я проснусь под утро,
Забуду всё и пропою
О мире вечном,
зыбком,
утлом,
Что составляет суть мою.

Там призраки, как слуги, служат
И лепят бабу из снежин, –
Ещё кому-то очень нужно,
Чтоб спели вдруг не песню –
Жизнь.

Но, чудится, –
прилежно слуги
Сжигают что-то на костре.
Мечта прекрасная о друге
Невыносимей и острей.

И как рисованный мираж,
В нас раньше умирает блажь.

3

Опять запахнет расставаньем,

5

Заманит суета,
прогрохочет
дорога Вселенной.
Сколько звёзд!..
Сколько в Небе
погасших
костров!
Только рвётся огонь
из холодного
чёрного плена
Нам
напомнить о шаткости
наших мостов...

Тула, 1983 – 1984

Геннадий Мирошниченко. Солнце. Поэмы

СОЛНЦЕ

Когда глаза уже не видят
И сердце стынет на пределе,
Остаться можно человеком,
Остаться можно на Земле.

Ты помнишь: сколько раз последним
Был приговор халатов белых
И сколько раз в слепом отчаяньи,
Казалось, не хотелось жить?
Душа истерзанная билась
И клочкотала ярость бурей
И подчиниться не хотела
Всем равнодушьям вопреки.
Рукой костлявою старуха
Тянулась к горлу, усмехаясь,
И нашу юную беспечность
Она с собою унесла.
И так бывало неоднократно –
Страшила черная судьбина,
Твоим порывам одоленья
Тебя не думая отдать.

Но что-то там, в душе, ярилось
И не хотело примириться.
И в этой ярости опасной
Я к пониманию пришел:
Ведь можно жить, не веря в правду,
А веря, злу служить усердно.
Но лучше – сердцем исправляя
Все приговоры и судьбу.

Не верь, что жить нельзя иначе,
Как разве в душном окруженьи,

И что не вырваться оттуда,
Не оборвав душевных пут!

Представь себе картину Мира:
Два океана в атмосфере.

Из одного душа вдыхает
Всегда бессилие свое,
Любой глоток желанья губит,
Ростки прекрасного сжигает,
И постепенно безысходность
Начнет расти в тебе самом.
Но все движеньем объяснимо:
Тебе захочется иного.
И раздраженье злой змеею
Вопьется и напустит яд.
Вот с этих пор уже труднее
Вернуть свое непротивленья –
Ты начал изрыгать несчастья.
А их никак убить нельзя!
Они живые, но с отравой,
Как все зловонное плодятся.
И это страшно и порочно –
В себе рожать подобных змей.

Но есть в небесной атмосфере
Для всех живительное Солнце.
Для тех, кто хочет быть свободным,
Есть Океан другой – Живой.
Глоток дыхания освежает,
Снимает груз вины и горя,
Опору помыслам готовит,
Как верный друг в тебе живет.

Ты для себя решить пытайся,
Чему служить и с кем брататься,
И с каждым следующим дыханьем
Бери часть сущности своей:
Из одного – души отраву,
А из другого – силу Света.
И все так просто, что подвластна
Тебе всегда судьба твоя.
Те из людей калечат душу,
Кто лишь в себе ее находит.
И если сдерживать порывы,
Как человеком проживешь?

Ты, человек, велик не болью,
Не униженьем перед нею
И не презреньем к слабым духом,
А красотой, что дарит свет.
И в человеке спят не раны,
А их врачующая сила.
И наша сила спит спокойно,
И совесть спит. А не должны!
Сжигает нас не боль утраты,
Не одичавший зверь страданья,
А чувство времени: чем дальше,
Тем с этой силой меньше связь.
Опасность шепчет: “Что ты медлишь?
Пройдет космическое время
И никогда вернуть не сможешь,
Чему сейчас принадлежишь”.

Сегодня ты легко вдыхаешь
Из Океана свет и солнце.
Сегодня ты, лишь пожелая,
Сам Солнцем тоже можешь стать.
Не позволяй себе скатиться

На край страданья, где пределы,
Где чувство боли затмевает
Твое стремление к чистоте!
Не позволяй себе промедлить,
Из двух источников напиться:
Ни слабодушьем, ни подлогом
Ты не обманешь чистоту!
Ты помоги тому, кто хочет,
Но хочет искренне и просто.
И он поделится по-братски
Своим желанием с тобой.

И так, делясь лучами Света,
Распространяя Мир и Счастье,
Друзей в дороге умножая,
Ты силу тайную найдешь.
Ищи вокруг себе подобных,
Надежд на это не теряя,
Не бойся проповедей темных,
Тех, кто желает обмануть.
Не отличить порой нечистых
От тех, кто честно хочет дела.
Ты будь готов в Пути прекрасном
Столкнуться с подлостью врагов.
Но не отгалкивай вначале
Любого, в ком ты не уверен –
В непримиримости, известно,
Так часто скрыта Красота.

И если вдруг не делу Солнца,
А для себя зажжется кто-то,
Посеет зависть втихомолку,
Душою злобной закипит,
Кто, чтобы вылезти из тени,
Все ищет ловкого момента,

И уж, дождавшись, человека
Готовый ядами облить, –
Таких всегда считай чужими,
Будь постоянно настороже
И даже в их слепом бессильи
За злую силу уважай.
Ты с ними будь непримиримым,
Не верь елейности словесной
И все попытки, если сможешь,
В их продвиженьи пресекай.
И помни: кто не приобщился
И не проникся Светом Солнца,
Тот может личным оскорбленьем
Твою решимость посчитать.
Слепец! – Пока он так уверен,
Что перемирие с врагами,
Вниманье к их делам и судьбам
Равно святой любви к друзьям.
Такие люди оскорбятся
Тому, что ты снесешь с улыбкой,
И поначалу Дело Света
В презреньи могут оттолкнуть.
И если что-то от их взора
Сокрыто временем иль тайной,
Они скорей спешат плохое
Любому шагу приписать.
Не предавай непримиримость!
И объяснениями не мучай
Тех, кто пока понять не сможет!
И в ускоренье не играй!
Бывают в жизни положенья, –
Своим святым не поступившись,
Ты можешь быть испачкан ложью.
И это сделает не враг!
И можешь ты в одном решеньи

Все потерять – в непониманьи
И никогда уже до смерти
Ты пониманье не вернешь.
Но тем и греет Сила Света,
Что пониманье прорастает
Необъяснимыми путями
И даже там, где не должно.
Разлуку с близкими, друзьями
Любовью для себя согреешь –
Пускай последнюю надежду
Ты сам растопчешь на ходу...
И все, что делаешь руками,
Твои ли помыслы, желанья
И все, что людям отвечаешь,
Уходит жить в свой Океан.
И воздух этих Океанов
Бурлит и радуется с нами,
Но только злой – от огорчений,
А наш – от Света и Добра.
О, люди! – С нами наше счастье,
Оно в желаньях наших скрыто:
Никто дышать не хочет тьмою
И ищет Вечный Свет в себе.
Взрасти желанья из Солнца,
Перед Прекрасным преклоняйся
И преумножь сверх всякой меры
Тот Океан: “Добро и Свет”!

Тула – Владимир, июль 1985г.

НАЧАЛО

Поэма «Начало» писалась мною, когда ещё была жива мать, был жив отец. Это 1977 – 1978 годы. Моим дочкам было тогда 6 и 3 года соответственно. В 1978 году поэма получила первый приз в конкурсе на Центральном телевидении СССР. Я не понимаю, откуда в поэме ностальгические ноты. Никогда после этого подобно-го со мной не случилось.

*Моим дочерям.
Памяти Мирошниченко
Григория Семёновича,
моего дяди, лётчика,
погибшего на фронте
в Великую Отечественную*

Пролог

Поля и шахты – Русь моя –
И где-то редко – перелески –
Меня пленившие края,
Любовью писанные фрески.
Осенний воздух – акварель –
На волю вывесил художник,
Чтоб душу русскую согрел
Своей палитрой мелкий дождик.
Поля, познавшие татар,
Мне вашей ширью наддышаться,
Как наш земной уютный шар
Заставить больше не вращаться.
Россия, давшая меня,
За каждым новым поворотом
Сквозь даль туманную видна
Земля, пропитанная потом.
И чтобы ни настало вновь,
Мы помним: сила гнула силу,
Хлестала смерть твоих сынов,
Моих отцов клала в могилу.
Всё это – в памяти моей
И в жизни тех, кто на подходе, –
Мы начинали с горьких дней
И жажды подвига в походе.
Россия, спасшая века, –
На каждом пяди обелиски,
На них название полка
Вмешает тысячные списки.
И эта речка, и закат,
И дом, и город, и дороги
Посмертным подвигом солдат

Для нас давно считают сроки.
Стоит над полем тишина.
За нею – тот, кто не вернётся.
И кажется – моя вина,
Что я живу, а он дерётся.

Пойми меня, моя святая Русь,
Мои надежды и мою тревогу,
Поверь, что я отчаянно боюсь
За нашу Землю и её Дорогу.
Ты помнишь, как пошло моё житьё, –
И запах гари, и чужие лица?
Я был задет кромсающим огнём,
Едва успев нечаянно родиться.
Я был рождён в военном сентябре
Второго года, политого кровью,
И с молоком, подмешанным к воде,
Впитал тревогу наравне с любовью.

Глава I. Земля

Земля моя, ты не забыта!
Тобой живу, тобой дышу.
И всё, что временем добыто,
С тобой отпраздновать спешу.
И пусть живу вдали от детства
И уж нечасто в наши дни
Я выбираюсь с грустью в сердце
К местам далёким и родным.
И прохожу тобою снова
И будто много лет назад
Та изначальная основа
Туманит мой нездешний взгляд.
Земля, я многое тут вынес
И, покорённый, снова твой,
И вспоминаю – здесь я вырос

И здесь я начал первый бой.

Через поле и деревню Вьёвку
С дочкой, налегке и не спеша,
Мы идём, а жаворонков звонких
В синеве полощется душа.
Было время, той же тропкой тайной
Я с отцом в стене пшеницы плыл,
Так же на короткое свиданье
К деду с бабкой хаживать любил.
Жили мы в посёлке по соседству,
Мне тогда казалось – далеко.
Там начало памяти и детства
Потекло неспешною рекой.
Так же солнце жарило затылки,
Духота томила, как в аду.
Мы простую воду из бутылки
Как живую пили на ходу.
От деревни, видимый с пригорка,
Меж деревьев город забелел.
Я садился к бате на закорки
И «Пшеницу золотую» пел.
Под горой, в травнице на привале
Ели сало вместо колбасы,
И щетина на румяном сале
Жалила, как дедовы усы.
Так же псы на нас из подворотни
Лаяли лениво и незло,
И речушку с тем же поворотом
По деревне медленно несло.
Я ещё не знал, что этот город
Под зелёной шапкой на холме
Позовёт меня и очень скоро
Навсегда поселится во мне.

Тут первый стих и первая любовь,
И первое прикосновение в танце,
И первый день, наполненный борьбой,
И первый стыд, окрашенный румянцем,
И первый вечер, где рука в руке,
И первый трепет, слышимый тобою,
И первый друг на жизненной реке,
И первый враг, подаренный судьбою,
И первая в тиши вечерней трель,
И первая работа землекопом,
И первый рубль, истраченный на дрель,
И первый шаг, что был в пути протопан,
И первая модель – аэроплан,
И первый гвоздь, и радиоприёмник,
И первый шелест заэфирных стран,
И первая мечта из неуёмных,
И первый – на свои – велосипед,
И первые соперники в сраженьи,
И первый вкус пленительных побед,
И первый запах горьких поражений,
И первый снег в ночи под фонарём,
И первая метель в небесном звоне,
И первый в поле вдруг застывший гром,
И первый смысл, лежащий на ладони.
И первых тренировок злая соль,
И первое скольжение по насту,
И первый раз испытанная боль,
И первый раз упущенное счастье.

Здесь первая утрата среди друзей
И первая ошибка и надежда,
И первый вызов грянувшей грозе,
И первый шрам, скрываемый прилежно.
Здесь – память и мои учителя,
Здесь полубоги за далёкой дверцей,

Здесь детством освященная земля
И, значит, часть подаренного сердца...

Глава II. Дом

Переезд – всегда большое дело.
Финский домик, навсегда прощай!
Всё прощай, что нас несло и грело!
Ты прощай, меня взрастивший край!
Вы прощайте: луг в траве и кашке,
Речка, поле, в поле – колея,
Вдоль неё, размытая на пашне,
Ручейком канавка, как змея!
Через много лет в росистом утре
Я увижу позабытый луг,
А над ним – свисающие кудри
Неземных и нетуманных выюг.
И мгновенно эти повороты
Совпадут с уснувшими во мне.
Я шагну в открытые ворота
В том далёком и чудесном сне...

Сумерки, машина, горький привкус...
В кузове среди вещей – живой
Двухметровый одинокий фикус -
Будто с непокрытой головой.
До свиданья, мой ровесник Васька!
Встретимся ли? Оказалось – нет!
Покатилась огненная пляска –
Впереди машины белый свет.
За рулём – отец в картинных бликах
Всматривался в сажевый простор.
В щелях ветер жалобно пиликал
И урчал таинственно мотор.
Я уснул. Очнулся под кроватью

Геннадий Мирошниченко. Солнце. Поэмы

В доме, в городе в том самом, наконец,
Всюду, разгороженные кладью,
Спали сёстры, мама и отец.

И зажили. Тот барак и ныне
Словно дед с подпорками стоит.
И хотя вокруг дома иные,
Сохранил свой первозданный вид.
Теснота. Казённая квартира.
Шестеро. Всё за одним столом.
Потому, чтоб каждому хватило,
Мы решили: будем строить дом.

Как мечталось по большому дому,
Чтоб вместил бы деда, бабу, нас!
Золотые руки деда Сёмы,
Адская силища, верный глаз.
Выбирали известковый камень,
Над ручьём исследуя овраг.
Скоро там под нашими руками
Врезались пещеры, сея страх.
Стружки, брёвна, доски, гвозди, глина
Всё влекло живую ребятню.
Мы мешали. Дед ругался длинно
Раз по сто отчаянно на дно.
Вдоль овражка, на зелёном дёрне –
Красные со звоном кирпичи.
Дед из глины в деревянной форме
Делал их и обжигал в печи.
Первым стал сарай. Туда пожитки
Старики повесили на гвоздь.
Нажитое до последней нитки
На одну тележку улеглось.
Батя редко приходил на стройку,
Всё мотался где-то по стране.

Мать таскала брёвна и сестрёнку,
Для детей работала втройне,
Злую ругань деда, как умела,
Отводила от настырных нас,
Только внутренне как будто бы твердела
Да ждала теперь недолгий час.
Осенью в ненастную погоду
Без отца грузили тощий скарб.
В колее разбрызгивая воду,
Я въезжал в сознательный этап.

...Обживались в доме понемногу.
Задымила печка из угла.
Мимо нас проезжая дорога
К шахте двадцать третьей пролегла.
В стойле рядом – теплая бурёнка.
Мать пасла её и вечером и в ночь.
Пас и я, но рогом под печёнку
Долбанула и погнала прочь.
Знать, не нравилась ей щуплая фигура,
Поднял бунт её коровий пыл.
Мне Красавка распорола шкуру,
Чтобы впредь я неназойлив был.
На рассвете раннею весною
Родила ты мокрого бычка.
Мы ему на кухне за доскою
Под тулуп давали молочка.
Чуть окрепнув, на прямые ноги –
На два циркуля – он порывался встать
И качался – маленький, безрогий, -
По углам выискивая мать.
А у дома – рыжая собака –
На утеху взрослых и ребят.
Первый Джек, как горько я заплакал,
Лишь узнав, что ты землёю взят!

Геннадий Мирошниченко. Солнце. Поэмы

А вокруг – похожие картины,
Как в деревне – всяк себе кузнец –
Две шеренги в зелени и сини
Протянулись из конца в конец.
И стояли избы над оврагом:
Позади – холмистые поля,
Впереди – солдатским строгим шагом
Вымахали браво тополя.

Умирала шахта, выдыхалась.
Вслед за ней – ещё десятка два,
Но о стройке, сдобренная малость,
Прошумела громкая молва.
И вдали, где сходятся овраги,
Вырос полыхающий огнём
Мой завод сначала на бумаге,
А потом, как водится, живьём.
Город мой теперь – не центр шахтёрский.
Терриконы сильно заросли
И являют просто бутафорский
Серый горб над уровнем земли.
Четверть века как из-за болезни
Незаметно таял шахтный стан –
Ветки паровозные исчезли,
Но ещё дымится колчедан.

И шумят крутом хлеба да травы –
Наступают новые века,
А шахтёрская былая слава
Проплыла, как в небе облака.
В доме том живут и дед и бабка.
Только не мои, а дочерей,
И живёт по-прежнему собака,
Всех собак на улице добрей.

Глава III. Учителя

Я – из рабочей косточки,
Её могучий всплеск,
Пустил свои отросточки
Под пулемётный треск.
Я – сын великой матери,
Её победный стон,
От верстака в мечтатели
Шагнул под свист времён.
Я – из шахтёрской радости
Пробитых дедом лав.
Я душу взял от каждого,
Из грохота восстав.
Я – кровь российской памяти,
Её седой листок.
Я – от крестьянской пахоты
Шевченковский росток.
Я до последней чёрточки
Рабочее впитал.
Я – из рабочей косточки,
А в ней звенит металл.

Сколько помню – сидеть без дела
Для меня было сушим злом,
А уж если судьба велела,
Мне казалось – не повезло!
И какая-то злая воля
Не давала покоя мечтам,
И менялась напевность мелодии
На зовущий вперёд там-там.
Что я только ни делал в детстве?!
И сегодня о том же моля,
Я хочу, чтобы жили в сердце
Мои первые учителя.

Первой – мать для любого сына, –
Четверых поднимала нас.
И бывало, что сердце стыло
В неудобный полночный час.
Отхлебнула шахтёрской закваски,
С мужиками в забое внизу,
Но своей доброты и ласки
Не теряла в любую грозу.
Всё держалось на ней – от коровы,
Что не лишней для нас была,
До прополки, до дров колоды,
До последнего в доме кола.
Она много болела, но молча
Всё сносила ради детей
И сердечные приступы ночью
Скоро стали привычны ей.
И вставала чуть свет в окошке,
И спала, неизвестно как,
И лечили её ладошки
Добротою любой синяк.

Вслед за матерью – дед, её свёкор.
Не любила она его,
За тяжёлым и злобным оком –
Нелюдимости торжество.
Четверть века давно уж минуло
С той поры, как ушли из села,
А крестьянская страсть не сгнула
И настойчиво в поле звала.
На косом пяточке за погостом
Проросла сиротливо рожь
И, как встарь, там убого и просто
Бабка с неба просила дождь.
Жали серпом, везли снопами.
Посмотреть – походили с ума,

Били цепом, зерно ссыпали,
Будто в детские, закрома.
Даже просо, а то и гречиха,
Вызрели метёлкой вверх.
Дед по полю, поникший и тихий,
Ковылял, забывая всех.
Брал частенько меня с собою,
Я послушно ходил за ним.
И лицо его – грубое, злое –
В те минуты казалось другим.
Не смирился он с той потерей,
Тосковал, запивал, молчал
И, чем дальше, тем меньше верил
И тем больше на нас ворчал.
Находил утешенье в деле –
Всё, казалось, мог сделать сам –
И жила в его хмуром теле
Только страсть к рукотворным вещам.
Он любовно строгал. Стружки пахли,
Словно дождиком свежий лес.
Я смотрел и, мучимый страхами,
Портил деду какой-нибудь срез.
Попадало, да что там – детство.
Только многое въелось так,
Что оглядываю с блаженством
Весь в зарубках столярный верстак.

Был и третий, кого как Бога
Я любил и в себе берёг,
Но разбилась его дорога
С миллионом других дорог.
Был он скромненький, в делах – неистов,
Был и добр, и мечтать любил
Был механиком и радистом,
Ну а главное – лёгчиком был.

Геннадий Мирошниченко. Солнце. Поэмы

Был он молод и близок этим,
А ещё – хладнокровен и смел.
Я мальчишкой в пилоты метил,
Я радистом, как он хотел.
Оказался я близорукий,
Над моделями время сжёг
И в небесные те науки
Ни войти, ни взлететь не смог.
Но взлетел соседский мальчишка,
Что детали таскал ко мне.
Начитавшись моих же книжек,
Он проносится в вышине.
Я завидую по-хорошему,
Я горжусь, что в его мечте,
Сквозь мою, воплотилось прошлое
Поклонение высоте.

Было: взмыла земля за Житомиром
От удара того ястребка.
Оперенье с облезлым номером
Через годы подымет рука.
А пока что совсем неслышно
Ходит по небу дядька мой,
Быть живым – на войне не вышло,
Но не кончен последним бой.

Школа – милая и далёкая,
И любимые учителя,
Почему до какого-то срока я
Не испытывал тяжесть рубля?
Тяжесть ту, что даётся недёшево
Не одними мозолями рук,
А бессонницей, мыслями, крошечком
Из кровавых и радостных мук.
Может, всё-таки слово и дело

Друг от друга мы где-то рвём,
Где словами как серым пеплом
Осыпаем душевный подъём?
Рвём от трудностей преодоление,
От борьбы – её тяжесть и соль,
От любви и работы – горение,
От надежды – и нежность и боль?
И за внешнею лёгкостью слова
Про дела, что под кровью других,
Мы расплачиваемся сурово
Безразличием молодых,
Неумеек и суперменов,
Еле двигающихся бочком,
То ли – циников, то ли – поэтов,
То ли – юненьких старичков, –
Подозреньем в обмане и крайностях –
Если взрослый, то чёрен иль бел.
И приходит на смену сладостям –
Отучился, как отболел.

Гори, гори, электросварка,
Металл клокочущей дуги.
В работе, выхваченной ярко,
Пекут стальные пироги.
Где плещут огненные жала,
Лучом таинственным маня,
Крестили рыцари металла
В электросварщики меня.
Здесь классный сварщик – Коля Зотов –
В морской тельняшке напоказ
Сдирал как накипь позолоту
С меня, мальчишки, в первый раз.
Я понял – тут, на поле боя,
В любом труде, какой он есть,
Нет разудалого разбоя,

В нём – и достоинство, и честь,
И что цена работе всюду
Не на одни идёт рубли,
Что главное в работе – люди
Как совесть и душа Земли.

Мы с друзьями, окончив школу,
Приступили варить металл.
Цех котельный, подобный грому,
Нашей школой рабочей стал.
Тут гремела железа музыка -
Не литавры, а каждый срез
Выпирающих дутыми пузами
Обечаек и днищ оркестр.
Ах! Как сердце смеялось и пело,
Когда в темную прорезь стекла
Было видно, как строчка кипела,
Раскалённая струйка текла,
Застывала темнеющим шрамом
И чешуйками рыбы под ней
На защищенном шве под нагаром
Отражалось сиянье огней.
Рассуждал я тогда по-грешному,
Что недолго пробуду тут.
Электроды? А ну их к лешему!
В лучшем случае – подождут.
И казалось, что здесь – не творчество,
Зарабатывание на жизньё,
Ну а там – что непонято хочется,
В том далёком – призванье моё.
И мерцала певуче надежда.
Я её не равнял другим.
И казались, как море, безбрежны,
Бесконечны и жизнь, и шаги.
И не знал ни тревог, ни сомнений –

Геннадий Мирошниченко. Солнце. Поэмы

Вся дорога под солнцем видна –
Ни препятствий малейшей тени
В разноцветье зовущего дня.
В ожиданьи душа замирала.
Всё хотелось потрогать подряд.
И несло – от стихов до металла,
И бросал, и ругали... А зря!

Много позже я понял – метанья,
От которых немало зла,
Шли от вечного поиска знанья
И любви совершать дела.
Грешен, было – хотел одуматься,
Из всего телевизор ценя,
Только дочка, большая неслушница,
Повторяет, быть может, меня.

Если нет ещё тестов праведных,
Чтоб за час рассказать судьбу,
Значит, наши дороги правильны,
Значит, сложно найти одну,
Значит, будут ошибки чёрные
Среди белых, как снег, дорог,
Значит, выпадут дни никчемные
Как старьё, что ушло за порог.
Может, счастье – когда без поиска,
Просто так – повезёт и всё? –
Не на год, а на жизнь успокоиться
За дорогу, что дальше несёт.

Я сейчас иногда, оглянувшись,
Вдруг нащупаю тонкую нить –
Я – в заводе, как шкет-фезеушник,
Только-только начавший жить.
Скромник школьный, тшедушный отличник,

Вдруг ударился в жизнь как в бега.
На копейки, рубли, а не тыщи
Начинались мои берега.
Дым прогорклый. Ворчанье металла.
Облачённый в ХБ факир –
Я себя представлял, пожалуй,
Подпирающим целый мир.

Глава 1У. Дед

Моё оборванное детство,
Земля моя, ты не забыла
И полунищее наследство
Не до предела раздарила.
Остались в нём мужской тревогою
Нечаянные сном и болью
Моя неторная дорога,
Моё непаханное поле.
Скажи, Земля, какая сила
Переплела любовь и жажду
И до сих пор не процедила,
А поперчила неоднократно?

Ох, и крут был характер у деда!
Настоять на своём он умел, –
Бесконечные стоны и беды
Донимали средь праведных дел.
И жила в нём слепая потреба –
Когда быть урожаю в мешках,
Запивал он, да так, что без хлеба,
Без коня приползал на руках.
Сын крестьянский и сам крестьянин –
С болью в сердце, лицо в слезах –
Землю, что перемерил горстями,
Как любовь от себя отрезал.

Ни коняги, ни хлеба издревле,
Но надеясь на лучший приют,
Уходил он тогда из деревни –
Только сила да бабка, да кнут,
Да ребята, что мал мала меньше:
Самый старший на трактор сел.
Налегке – за плечами все вещи –
Уходились они насовсем...

...И прибились. Шахтёрские муки.
Уголёк выдавал на гора.
Я запомнил те чёрные руки,
Словно только увидел вчера.
А по времени это проплыло
Расстоянием в двадцать пять лет.
Побавилась прежняя сила,
Стал седой и чуть сгорбленный – дед.
Но всё так же, как некогда прежде,
Был молчун, в гневе – страшен и крут.
Он и раньше не хаживал в нежных,
Тут же – сразу за старенький кнут.
Благо, к шахте окончилась тяга
Да и глазом-то видел одним,
А извечная ласка к конягам
Привела его заново к ним.
Лошадей, мне казалось, не трогал,
Больше кнут для острастки держал,
И бывало далёкой дорогой –
Неподвижно висела вожжа.
И возил он опилки да уголь,
Помню, в баню, больницу и клуб,
И частенько к себе на угол
Зазывал меня в угольный куб.
Приносил мне на удочку леску
Из своих лошадиный хвостов

И ругал на чём свет невестку,
Что не чтילה старинных постов.
А уж как он честил меня, помню,
Когда брал инструмент и бросал!
От обиды на дедовы громы
На глазах выступала роса.
Но однажды, мне шесть что ли было,
Первый раз посадил верхом,
И шахтёрский, в опилках и пыли,
Конь – стал первым моим скакуном.
Я заплакал – и стыдно и жалко –
Очень уж был костлявый хребет.
Усмехнувшись, до титьки и мамки,
Опуская, послал меня дед.
Но всё так же в денёчки зарплаты
Приплетался, что тот босяк.
На семейные дыры заплаты
Бабка ставила кое-как.
А когда ослабевшие ноги
Подтолкнули к последней черте,
Потянуло внезапно к дороге,
Что вела к деревенской версте.
Стал он старый, седой и угрюмый,
Но ему представлялось во мгле,
Что идёт он – весёлый и юный –
По родимой, по курской земле.

...И с тех пор пролетело немало –
Нет ни бабки, ни деда, ни шахт,
И уж память как будто бы стала
Преломлять исторический факт –
С удивленьем взираю на дочек:
Стоит только увидеть конька,
В упоении каждая хочет
Непрерменно потрогать бока.

То ли прадеда гены повинны,
То ли что неизвестное нам,
Но оставлено в царстве машины
Им наследство – любовь к лошадям.

Ах! Как редки теперь коняги!
Но тихонько войдите в наш дом –
Скакуны, жеребята, трудяги
Так и скачут везде табуном.

А дочь рисует лошадей,
Свободных и потусторонних,
И не пускает посторонних
К любви единственной своей.
А дочь рисует лошадей...

Повсюду с ними заодно
И наделяет, чем хотелось,
И неизведанная смелость
Живёт в её душе давно.
А дочь рисует лошадей...

Не зная ветреных измен,
Она в любви своей мечтает
И только чувством понимает,
Что счастье – в муках перемен.
А дочь рисует лошадей...

Свободны лошадь и седок.
И непонятно нам и грустно,
Но это, право же, – искусство,
А в нём безмолвствует пророк.
А дочь рисует лошадей...

Глава У. Мать

О матерях всего трудней,
Войну прошедших – и тем боле.
Каких судьбою чёрных дней
Не выпадало им на долю!?
Каких невыдуманных мук
Они не знали, разрываясь,
Когда сжигавшее вокруг
Лизало смертью нашу завязь!?
И никакой суровый суд
Не попрекнул бы их расплатой
Когда они последний фунт
Несли не детям, а солдатам.
И сколько тех живут сейчас,
Кому не выдано гарантий!
Всё, что потрачено на нас,
Нам переплавить бы в характер!

А доброту, что нас несла
В руках, войною обожжённых,
И наяву и в горьких снах
Сегодня ищем в наших жёнах...

Вдоль села на лесной Белгородчине
В огородах петляет река,
А за нею – до солнца охочие
Хаты белые греют бока.
Здесь когда-то девчонкой тихою
По земле пошла моя мать
И нуждой для неё, а не прихотью,
Было в поле рассветы встречать.
Сирота – свою маму она не помнила,
Лишь отец потихоньку мог
Приголубить поутру сонную,
подавляя украдкой вздох.

Был же он молодой и красивый,
Но в тяжёлые те года
Под напором неведомой силы
За полгода угас навсегда.
Потому-то всю жизнь дальнейшую,
Оказавшись без ласк в девять лет,
Знала цену совету гревшему,
Знала слова простой секрет.
И ко всем сорванцам на свете,
Чей бы ни был – чужой или свой –
Подходила, как дети к детям
И как будто прикрыв собой.

Привыкала она быть кроткой
(У чужих людей – кабала),
Навсегда привязалась к тётке,
Словно матерью та была.
И с её четверыми тоже
Наши трое одной семьёй
Пробивались, как подорожник
На обочине мостовой...

А когда перебрались далече,
Жить отдельно мечталось ей,
Но отец, хотя не перечил,
Со своими, считал, – теплей.
Тяжело – далеко от дома,
А с такими, как бабка и дед,
Было тяжело тогда особо,
В годы, полные бурь и бед.

И хотелось иметь девчонок,
Ощутить материнства новь,
По-известному наречённых,
Может, Вера, Надежда, Любовь.

Но Веруне жилось непросто –
Заболела и умерла.
И шумят сейчас три берёзки
Рядом с ней у большого села.
Было горе, да лет ведь двадцать
Отпустила тоска потом –
И пришла пора собираться
За второю дочкой в роддом.
А работа – на клетки в шахте
(Что за время – шахтёрка-мать!),
А мечталось порой о пахоте
В предрассветную благодать.
Мужикам тяжело давались
Те забои и тот удел,
Ну а жёнам – какая сладость
В темнотище да по воде?
А однажды беда незваной
И печальной гостьей пришла –
Полыхнуло молнией рваной
И погасло жерло ствола.
За мгновение помертвела,
Повезло – на глазах у людей,
Отлежалась и отболела
За больничных несколько дней.
Был отец в это время в далёких
И бугристых монгольских степях
И писал оттуда о сроках,
Об армейских долгих харчах.

Но гремела уже на западе
Застоявшаяся тишина,
Приносила горькие запахи
Разгоравшаяся война.
А потом покатилося бедствие
По полям исчадием зла.

Нам досталось тогда наследство –
Багровеющая земля.

Так начиналась жизнь моя,
Голубоглазая Россия,
Ты родила таких, как я,
Когда война кругом косила.
И вместо милой тишины
Над колыбелями висели
Плач матерей и гул войны
И с ними – дымные метели.
И сколько воли день за днём!
И сколько трачено усилий!
Мы появились под огнём,
Как продолжение России.
И слава нашим матерям,
Не испугавшимся трагедий!
Иначе сколько б потерял
В минувшей битве русский гений!..

Миновала година лютая,
Стали былью мирные дни,
А для матери большими путами
Обернулись дома они.
Не прошло и года той сказке,
А уж мы собрались встречать
Вороного в рессорной коляске
И сестрицу, и нашу мать.
Появилась на свет Любаша
С голубыми глазами отца.
Устоявшееся вчерашнее
Побежало смотреть с крыльца.

С четверными непросто справиться,
По всему – доставалось ей,

Ведь большая – почти красавица,
А малышке – по пальцам дней.

...Ещё долго протянется время,
Когда мучиться и страдать.
Сердце матери – что за кремень?
От какой горы оно, мать?

Я помню: мне четыре года,
Сестра в пелёнках, мать и печь,
Дрова в печи стреляют воду,
И мать не может их разжечь.
Наш финский домик, душу гревший,
Уют семейный несший нам,
Я вспоминал тебя, конечно,
Скитаясь после по углам...
А печь дымила слишком долго
И мама, выбившись из сил.
Нашла на пропылённой полке
Давно забытый керосин.
Бутылка, булькая всесильно,
Своё веселье пролила,
Дорожка в каплях керосина
Прошла от печки до стола.
И лишь коснулось пламя спички,
Ударил бешенный язык
И, вылетев из пасти печки,
Стеною огненной возник.
И мать отпрянула невольно,
На миг зажмурила глаза,
Потом открыла. Было больно –
Перед лицом неслась гроза.
Там – пламя белою стеною
Обрезало меж нами нить.
Она – сквозь пламя и собою

Детей хотела заслонить.
Потом на стол – меня, бутылку,
Сестру мою и – в дверь стрелой.
И одеяло с чёрной дыркой
Чадило скоро под стеной.
И на колени перед нами
Упала мама тяжело,
Обняв дрожащими руками,
Хотела спрятать под крыло.
Она не плакала помногу
И не держала образа,
А тут рука молилась Богу
И за слезой ползла слеза.

Мне по ночам порою снится
Наш финский домик, мать и печь,
Дрова, дымящие со свистом,
И мать не может их разжечь...

Много лет утекло с заботами.
Разлетелись давно птенцы.
Между нами плывут самолётами
Наши письма во все концы.
Но случается – возвращаемся
На твои начала, Земля.
К незабытому обращаются
Исполинские тополя.

Я по этой Земле заплаканной
Прохожу из конца в конец,
За мою колыбель заплачено
Миллионами чьих-то сердец.

...Снова близятся дни осенние
И опять, утоляя грусть,

Я за эти просторы синие
К материнской руке тянусь.
При отце тут цвела безотцовщина,
Проклиная зелёную страсть.
Заплясала судьба-ганцовщица
По дорогам, где розы да грязь.
Выйдет мать сиротливо и сгорблено.
Сколько дум утекло с тех пор!?
Мы тобою не просто вскормлены –
Отмечаем от жизни сор.
Всё по-старому, по-домашнему,
Только больше морщин у губ.
Угостишь и мясом, и кашами,
Сокрушаясь, что я так худ.
Но не грузом телес, любимая,
Мы прикованы к тем местам.
Не невольничье – стать соколиная
Растекается по сердцам.
Старый дом, ты совсем ссутулился,
Забываешь ребячьи дела.
Деревенская тихая улица
В города по асфальту ушла.
Да по стенам живые трещины
Зазмеились на стыках лет.
Нам немалое было обещано –
Что-то – сбудется, что-то – нет.

Глава У1. Встреча

Начало тех сороковых
В иных сердцах ещё хранится,
Когда среди мёртвых и живых
Легла кровавая граница.
И все, кого застал рассвет
У пограничной переправы,

Геннадий Мирошниченко. Солнце. Поэмы

До боли жаждали побед,
Собой залечивая раны.
Остановить слепой свинец
Какому смертному под силу?
Ценою собственных сердец
Спасали Землю и Россию.

Они добыли тишину,
Но на пути к вершине цели
Не все, познавшие войну,
В её горниле уцелели.
А тот из них, кто не дошёл,
Кого взяла Земля седая,
Стал нашей болью и душой,
В сердцах рождённых оживая.

Может, грешен я всё-таки где-то –
Походив не хотел на отца.
Сколько помню свои рассветы,
Заносило меня без конца.
Так мотало по белу свету,
Отбивая охоту петь,
Что уж начал былые меты
Забывать и умом скудеть.
Всё же было – прорежет память,
Незабытая с детства грусть –
Фотокарточка в чёрной раме
И заученное наизусть...

Их три брата, сестра Дуняшка,
Все – в работе, мозоли – в ряд,
У отца же – душа нараспашку,
Даже слишком и всё не в лад.
Полюбил больше всех в деревне
Трактора, был тогда "Фордзон",

И на поле поехал первый,
До седин сохранив разгон.
А случалось – ласкал гитару
На гавайский шальной манер
Так, что струны напевом старым
Задевали за каждый нерв.
И хватала за сердце песня –
Пел он песни, закрыв глаза, –
Так, как сказка сходила если б,
Так, как душу трясла б гроза.
Только я его видел нечасто –
Всё в дороге – и день, и ночь,
И лихое шофёрское счастье
Уносило от дома прочь.
Пережил и войну, и печали,
Не гоняясь за длинным рублём,
И летящие веером дали
До сих пор раскрываются в нём.

Средний брат – тот в строительстве дока,
Мастер, ныне так редки они, –
Крут и скуп, но что сделал, без срока
Простоит – рукотворный гранит.
Ну а младший?
О нём рассказы
Не любил заводить мой дед,
Я живого не видел не разу,
И могила – неведомо где.

Там пахли порохом
ночные шорохи
И гулом башенным
не по-домашнему
Встречало каждого,
кидало заживо

Встрепенулась, а я стою.

– Где теперь он?

Предчувствую горе.

– В сорок третьем погиб в бою.

Тут погасла она как-то сразу,

Погрузнела, быть может, чуть,

Отвернулась и сеть у глаза

Обозначила долгий путь.

Но мгновенье одно скорбела,

Видно, часто случалось ждать.

Улыбнувшись, взялась за дело:

– Обещаю всё рассказать.

Я гляжу – не по возрасту резвая

И походки девчоночной стук,

Бросит взгляд на тебя – точно лезвием

Проведёт по живому вдруг.

Через несколько дней под вечер,

Когда выдался тихий день,

Очень скупо о прошлых встречах

Рассказала, сгоняя тень.

Молодою, совсем девчонкой

Напросилась она на фронт,

Где и встретилась с наречённым,

Прибавляя себе забот.

Только время ненастное было.

Улетел он в другие края.

Вслед за этим внезапно остыла

Тонких писем живая струя.

– Не искали?

– Тогда не искала,

А уж после войны – не смогла

И, чем дальше, тем больше считала:

Не нашёл – значит, плохо ждала.

Да и боль притупилась, – привыкла,

Так привыкла, что не понять –
То ли, может, я горе мыкала,
То ли гордой хотела стать?
Здесь у нас в санатории люди
Постоянно идут и идут.
Всё-то думала – время остудит,
Проживу и без мужниных пут.

– После встречи с тобой не сидела,
На автобус и – в старый дом.
Тридцать лет не брала, не хотела
Эти письма его и о нём.
А взяла и отчаянно стало.
Наревелась, как девка, в ночи.
Очень мало, как всё-таки мало! –

Еле шепчет, а будто кричит. –
– Ах, да что там! Зажму потуже.
Твой Григорий по отчеству как?
Я сказал и услышал тут же:
– Не совпали они, земляк!
Я-то думала, ты – племянник,
Слёзы вдовьи слегка утру.
Погостил бы немного в праздник,
Повидал бы свою сестру.

...Не хотел я писать об этом,
Понапрасну себя корил.
Пусть окажется всё недопетым,
Но счастливым – себе говорил.
А за тридцать с тех пор отшумевших
Всё меняющих долгих лет
Вероятности быть уцелевшим
Даже слову практически нет.
И сказала, прощаясь:

– Похожи! –

Как искру уронила из глаз...
Иногда вдруг подумаю: всё же
Что-то роднила нас.

Спасибо, Лидия Михайловна,
Что пробудили ото сна,
Что там, где хмурая проталина,
Вовсю ударила весна.
Спасибо, что толкнули в прошлое
К давно нехоженным местам,
К мостам, над нами переброшенным,
К забытым, кажется, мечтам.
Вы одарили кровью алою
Природе, может быть, в укор.
Спасибо, Лидия Михайловна,
За ожиданье до сих пор.
Спасибо, что надежды прежние,
Чтоб ни случилось, всё живут
С любовью юной перемешаны,
Не признающей дни и суд.

Глава VII. Память

И нужно-то совсем немного
Чтоб рукотворная игла –
Тобой рождённая дорога –
Как на ладони пролегла.
И нужно-то одно словечко
Услышать вдруг со стороны,
Чтоб рано высохшие речки
Не прибавляли бы вины.
И каплю горечи добавить
В минувшие бесследно дни,
Чтоб человеческую память

Определяли и они.
И нужно-то чуть-чуть покоя,
Чтоб, осмотревшись, вдруг решить –
В чём заключается такое,
Чего же ради стоит жить,
И чтоб связать в единый узел
Святое в каждом узелке,
А утром с обновлённым грузом
По новой двинуться реке.

К старикам приезжаю –
На стенке портрет запылится:
Рядом с дедом и бабкой
Их сын, как во многих домах,
В гимнастёрке не новой
С тремя кубарями в петлицах
На могучих плечах,
Как на древних российских холмах.
Я поверил рассказам
О самом большом ожиданье,
Что для каждого в жизни
Приходит, как в небе заря,
Продолженьем любви,
Продолжением прошлых страданий,
Словно свет по цепочке,
Чтобы жили и пели не зря,
Чтобы не было больно,
Что жили и гибли напрасно,
Даже если ни сына, ни дочки –
Так молод – не дал,
Чтоб внучата чужие
Смеялись в далёком пространстве
И невестам букеты
Кто-то, сильно волнуясь, вручал.

Нам судьба не бросала
Проверкой редут баррикады,
Не в сраженьях великих
Наши мужали сердца –
Нам пришлось закаляться
Под гром заводской канонады
И под мирными залпами
Учиться ходить до конца.
Но забыть нам нельзя
Тех давнишних баталий,
Где под пулями парни
Лучших теряли друзей.
Никогда, как и вы,
Не признаем исходов фатальных,
Обрубающих напрочь
Мечту, как крыло, у людей.

Ты не вышел из огнищ
Обожжённым и твёрдым,
Чтобы помнить сраженья
И грезить атаками вновь.
Я пою о тебе –
О земном, неуёмном и гордом,
Через горечи судеб
Пронёсшим земную любовь.

Ваша юность прошла,
Как проходят в атаках мгновенья,
Где приказом «Вперёд!»
Обрывались приказы «Ложись!».
Мы у вас наполнять
Научились великим терпеньем
Драгоценный сосуд
Под названием «Жизнь».

Пусть не все мы добрались
До нынешних дум поколений –
Много проще сбивает
Трескучая вычурность фраз, –
Не простят нам ни зла,
Ни оправданной жалостью лени,
Что порою, как ржавчина,
Разъедает невидимо нас.
Нам бы петь, как и вы, –
Во весь голос, открыто,
Как распахнуто
В зелень с весенним дождём.
Я встаю на заре,
Как умыться
Надолго забытым,
Но таким дорогим для меня
Ремеслом.

Оживают во мне
Опалённые памятью годы,
На бумагу ложатся
Нелегкие строчки в стихах.
Где над миром проносится
Завтрашний ветер свободы,
Там живу и пою
В настоящих и прошлых делах.

Будет время –
И сердце во мне разорвётся,
Зарасту я травой
И метелица
Выстудит бок,
Опрокинутся навзничь
Холодные звёзды
И закапают слёзы –

Берёзовый сок.
Что прошло?
Что сбылось? –
Не вернёшь ниоткуда,
Что давалось когда-то
Неподкупной судьбой.
Мы упрямо росли
В ожидании чуда,
А уходим, как все,
И уносим упрямство с собой.
И не нам продолжать,
Чтоб порою
До слёз наслаждаться,
Не стремиться,
Не быть,
Не любить,
Не терпеть, –
Мы уходим,
А чувства
Стремятся остаться,
Мы уйдём,
А они
Долго будут гореть.
Расстояния наши,
Конечно, ни в чём
Не измерить.
Мы вернёмся
Не в гости,
А в душу и, может, в судьбу
Заглянуть.
Ах, как хочется жить!
Только жить
И отчаянно верить,
Что сумеем
В опасный момент повернуть.

Остаётся всё меньше...
В пространство
Экспресс уходящий
Раздвигает границы
И там
Зажигает рассвет.
В неземное ничто,
Ускоряясь
Всё чаще и чаще,
Словно чёрные птицы
Уносятся
Призраки лет.

И в мирной тишине гремят салюты,
И в мирной тишине солдаты гибнут,
И будто возвращаются минуты
Поры минувшей в строгих звуках гимна.

Встаёт Россия памятью военной
Над поколеньем, пороха не знавшим.
И взрыв трясёт мосты во всей вселенной
И повисает призраком вчерашним.

Ребятам, в мир пришедшим под тревогу,
Когда на них – ни времени, ни силы,
Настанет день прокладывать дорогу
И через реки наводить настилы.

И в этой битве есть свои потери,
Свои вершины и свои законы –
Кому-то по мостам на дальний берег,
А кто-то будет прикрывать понтоны.

Геннадий Мирошниченко. Солнце. Поэмы

над землёй!
Девочка,
стоящая
в огне,
Руки тянет
Солнцу,
не войне!
Девочке
повелевать лучами
И играть
шарами
как мячами.
Девочка,
тот шар –
у наших ног
Радугой
проложенных дорог
С городами,
синими
от звёзд,
И глазами,
мокрыми
от слёз.

Тула – Болохово, 1977 – 1978

Геннадий Мирошниченко. Солнце. Поэмы

ЛЮБОВЬ

Н.В.

1

Вокзальный вечер сумрачен
и тих
И в тишине
вдруг лязгают вагоны,
И вслед за тем
грохочет воздух сонный
И отдаёт горячим их,
двоих.

Они ещё не звали друг о друге,
А смех её был, кажется, знаком.
Он шёл к друзьям с тяжёлым рюкзаком.
Влюбляясь в голос будущей подруги.

Он подходил, а Что-то ритм нарушив,
Вдруг сдвинулось вверху, как облака.
И нежностью захлёстывало душу,
И звук любви запел издалека...
Он рядом стал.
Во взгляде бьётся сердце
Слова молчат, их помощь – не нужна:
К кому душа любимого нежна,
Тому в неё без слов открыта дверца.

Ленивый ветер мягко гладил лица,
Касаясь шёлком девичьих волос.
Глаза блеснули.
Взор, страшась разбиться,
Метнул Ему зашифрованный вопрос.

Геннадий Мирошниченко. Солнце. Поэмы

И Он ответил: “Да!” – мгновенно, сразу...

Бывает, ждём так нужный нам ответ,
Надеясь не на душу, а на разум,
Хотя душа давно уж слышит: “Нет!”.

2

Что в мир идёт – всему своя причина,
Природа всё учла, хоть мы её корим,
И многое упрятала в личину
Прозрачно отражающих витрин.
Мы все в чужое верим без сомненья,
В любовь двоих – как в сказку или игру.
Но многих ли общественное мнение
По банкам расфасует, как икру?...

Хотим любви, чтоб поддавалась счёту
И жизнь вести, как учат мудрецы –
Не спину гнуть, не тяжкую работу,
Где спутались начала и концы.
Как рвётся в нас бунтующий и страстный
Напор воспоминаний и тревог,
Минут и снов, до одури прекрасных,
Непройденных, пропыленных дорог!
И маемся мечтой о счастье близком –
Вдруг там – Любовь! –
К которой мы спешим...

В бутылку кем-то вложена записка
И в море брошена, как часть моей души,
И плавает, надеясь лишь на случай...
Молиться бы каким ещё богам,
Каким началам или водным кручам,
Чтоб штормом была кинута к ногам!?
В его безумье ты отыщешь крохи,

Твой путь непрочен и непрочен стих –
Ведь счастье – жертва
Мысли,
Тела,
Вздоха
Не одного, а сразу вас двоих.

Да, мало нынче некрасивых женщин!
Погас в их блеске медный свет грошей –
Рай в шалаше давным-давно обещан,
Да что-то мало этих шалашей...
И тычется слепое предпочтенье,
Теряешься, едва начав отсчёт:
Что вытянешь – себе опроверженье,
Любовь, проклятье, –
чёт или нечёт?...

3

Любовь не выбирают по подсказам,
Газетным объявлениям, заказам, –
Мы плохо знаем, как она горда,
И ждём её, святую с неба манну,
К ней примеряется учёная обманом
Претензий наших наглая орда.

Любовь всегда была –
одно дыханье, –
А безответная, кому она нужна? –
Любимому – не ласка, а нужда;
На свете нет сильнее наказанья...

4

Начало Их – двоих как одного.
Они стояли, друг касаясь друга,
И, похохатывая, точно в форме круга

Друзья стоят, не видя ничего.

О! Как далёк бывает этот мир,
Когда одна глядит в глаза другого!
Как далеко убожество квартир
От первого, палаточного крова!

Соприкоснулись –
Он,
 Она
 и Что-то,
Что хрупко и торжественно храним,
Что за крутым житейским поворотом
Дано понять лишь только нам одним...

5

И юный, Он, вокзалом окрещённый,
Ещё и нелюбимый, непрощённый,
С ненужной никому дремавшей лаской
Стоял пред нею, заливаясь краской.
Иглою жгла мгновенная искра
Под сводами небесными вокзала,
И нежное в душе уже звучало,
Как свет ночной грядущего костра.

Потом Он будет в сполохах заката
Всё это, ускользнувшее куда-то,
Как представитель творческих мужчин
Лопатить в мыслях в поисках причин,
Искать, искать, не находить ответа –
На дне колодца нет дневного света,
И небо – чёрной пуговкой одежд,
И дырки в нём как звёздочки надежд.

6

Как временами рвёмся мы из дому,
Бросаем старое, хватаем рюкзаки!
Когда ж потом что выйдет не с руки,
Клянём себя да полного разгрому.

Но час грядет и всё забыто вновь.
Рюкзак готов, и ждёт уже дорога.
И где-то за таинственным порогом
Нас ждут друзья, и светится Любовь.

7

... Несётся поезд, выгибая тело,
Стучат колёса, повисает пыль.
Он сядет рядом – так она хотела, –
А за окном проносится ковыль.
Потом вагон заполнит духотища,
И в липкой, оступляющей жаре
Лишь им двоим найдётся в мире пища
В дневной, ночной, в любой другой поре.

А поезд мчит...
Всё ближе, ближе горы.
Мелькают мысли, дни, улыбки лиц.
И ближе то, безжалостное горе,
Которому ни клеток, ни границ.

Любовь, Любовь,
Ты снова даришь детство,
Ты возвращаешь ту же сладость мук –
Больное, обескровленное сердце
Вдруг потрясает эталонный стук.
Какая тяга – иногда коснуться
Родной руки, и в счастье замереть!
Как будто утром розовым проснуться

И окунуть себя в живую медь.
Всё милое – любая точка тела, –
Волнует всё и излучает новь.
И хочется, чтоб не было предела
И душу жгла небесная любовь!

...Ах, детство, детство,
Ты ли виновато –
Наивность так торопится испить
Душой за нелюбимых искупить
Не всем распределённые караты!

Не все тебе свои сердца отдали,
Тебя, Любовь, – воспели и распяли
За тягу в горы с жизненных равнин,
За то, что каждый в нежности раним,
Что от тебя порядочно затрещин,
Как ни стараемся без боли проскользнуть –
Но каждый ли выдерживает путь? –
А слабых нет уже и среди женщин...

8

Частенько кажется, что мы подобны дому,
В котором, что ни дверь, то – тайна иль запрет,
И входы есть, а выходов-то – нет!
И тучи – без дождя, и молнии – без грому...

Любовь и мы – всё из одних садов,
Кому не хочется, чтоб каждый плодоносил? –
Есть время созревания плодов!
Есть время созревания ремёсел!
А есть ли это время у Любви?
Что из того, что видим повсеместно? –
Её законы людям неизвестны,
Она – капризна, –

Геннадий Мирошниченко. Солнце. Поэмы

Жаждешь – так лови!
Да и Любовь ли окружает нас? –
Мы одиноки в черноте Вселенной,
Протягивает лапу к шее бледной
Соляриса немой прозрачный глаз.
Не потому ль так тянемся друг к другу.
Страшимся не найти трепещущую руку?
Хватаем первое, клянёмся, что не так;
Потом окажется – душа уже не та
И дверь не та.
И жизнь – куда-то боком,
В печенках – вой,
Родные – как под током,
И ты для них давно уже не свой
(Но, слава Богу, это – не со мной!).

Любви

давно даны определенья –
Что сомневаться в прелести томленья! –
Но под любовью жён, мужей, быть может,
Поскольку им любовь обходится дороже –
То теща, дети, то зубастый быт,
Которым каждый может быть добит, –
Под их любовью всё с частицей “не!”:
НЕ

пламенные вздохи при луне,
НЕ
первое, десятое, ... сякое...

Любовь, Любовь,
Да что же ты такое?
Мы на определяющих ворчим –
Работы нет, есть тысячи причин!...

Как нам важны воззвания пустые!

Учёные,
 писатели,
 друзья!
Нам без большой учёности нельзя –
Нам стыд щекочут истины простые.
Бесценна Добродетель под кнутом –
Раба, послушного творенью властелина,
Кто назовёт возлюбленным?

 Он – глина
И жижка чёрная, болотная притом.
И что за чушь! –
Нам рабство воспевать,
Распоряжаться жизнью другого –
Подумать только! – Самого родного,
И трепет друг пред другом убивать!...

А хочется таинственности чувств,
И хочется всегда иметь надежду,
И не скрывать желания прилежно,
И не казаться, что ты – глуп и пуст.

9

Я –
 как в клетке!
Скольжу
 по натёртым полам,
Разбиваюсь,
 встаю,
 чьей-то силой
 влеком, –
Я хотел
 это яблоко
 напополам
Не рубить!
Не делить!

Геннадий Мирошниченко. Солнце. Поэмы

Своим дыханием её ладони грея,
Озябших плеч, боюсь, не отогреть...

Судьбу двоих за нас решают горы.
Они – судья, – пусть каменно вершат!
Часы идут, часы уже спешат –
Не к месту нам пустые разговоры.
Они сведут, взлелеют, разведут –
Пусть всё решится!
Горы всё рассудят,
Но вряд ли чьи-то головы остудят –
Лишь бросит выше сказочный батут.

Там, на закате, слышала скала:
Ещё не вслух, нечаянно, несмело,
Дрожа душой и леденея телом,
Она его любимым назвала.
“Любимый мой!”, –
Она ему шептала.
"Любимая!", – кричал беззвучно Он.
Качаясь на зазубринах времён,
Гиганты мудро ждали их начала.
Какие глыбы скалились из тьмы!...
Была гроза...
Разряды освещали
Их первый путь и первые печали,
Горбатые моренные холмы...

О! Сколько их, Любовью наделённых,
Историй пламенных и озарённых,
Видали эти каменные лбы,
Вершители, крушители судьбы!...

То на гранит, то вверх, под небеса, –
Мы платим долг пожизненный в рассрочку.
Раздаривая силу, голоса...
Во многом виноваты мы нередко,
Отводим взгляды, вздорно промолчим.
Дрожит в душе надломленная ветка
Под натиском безжалостных причин.
Дрожит под ветром,
Гнётся наша совесть.
И, перечёркивая свет от фонарей,
Подходит предначертанный нам поезд,
И мы бежим, нам – в путь!
Скорей, скорей!...

13

В горах свободным чувствует любой –
Там горный дух питает ощущение.
Опасность твоего раскрепощенья –
Как смех беспечный над самим собой.
Долины Средней Азии – в жаре,
Дыханье зноя опалает лица.
От этого нам помогли забыть
Снега, как на равнине в январе.
Почти завьюжит в ночь тьянь-шанский снег,
Днём от него вскипают переправы.
На биваках залечивают раны
Счастливый шёпот и счастливый смех...

Вот так и Он, любовью околдован,
Хрустальным, горным панцирем ледовым,
Бросался в воду, лишнее тащил,
Как мало кто из их числа, мужчин...

Потом Он будет в жизни продираться,
Своей судьбы касаясь, обжигаться,

Сбивать огонь, собой о зель хлеща,
Как к пиву бьют о край стола леща.
Какое солнце вслед за ним вставало?
Что обещала горная Любовь?
А приручить – да сможет ли любой? –
Потоки сели – горного обвала?

Законы мира призваны учить,
Коль даже ноги бьёшь под облаками, –
Он будет с перебитыми боками,
Ты – женщина, и ты –должна лечить! –
Мы созданы не только для забот.
Бесчувственно ракетное сопло.
Не боль и соль, а ласка и тепло
Нас трогает, и не наоборот.

14

Я книгу Жизни бережно листаю,
Где строки стертые, а слова – разъяты,
Где рядом с пожелтевшими местами
Прожжённые до дыр зияют даты.

Поэмы нет! Исчезла, будто эхо.
А, может, я сам от неё отрекаюсь? –
Везде на прорехе зияя, прореха
Смеялась, смотрела на то, как я маюсь.
Солдаты мои, мои лучшие строки,
Надежд часовые, – уж вы не взыщите! –
В чужие окопы ведут мои кроки.
Не вышло поэмы...
Я стал беззащитен...

15 ...

Года идут, стареют идеалы,
Мелеет связь... Заботы сушат мозг.

Научишься довольствоваться малым,
Скрывать следы тебя учивших розг...

Как изменяет наши вкусы время! –
Что было сладко, вдруг начнёт горчить,
Любовь – пресна, а, может, грозно дремлет,
Как та болезнь, что сразу не лечить.
И всё бы – рай, да в небе след так жидок,
Что от него хоть прятаться в кусты:
Больнее – не признание ошибок,
А чувство беспросветной правоты.
В Любви находим силу или слабость,
Раскаты грома, запахи грозы.
Мы редко смотрим, сколько нам осталось
Висеть на чистой капельке росы.
Что рождено – цветёт и отмирает,
Всё – самое святое и гнильё.
А кажется, что кто-то отнимает
По дольке апельсиновой – моё! –
И каждый день прикручивает лампу:
Бежим, не замечая, не любя,
И не решим – Любви или Таланту
До ниточки пожертвовать себя.

И предсказанье сбудется воочию –
Не век носить предчувствие беды –
Седые горы будут плакать ночью
И день придёт –
И ты пожнёшь плоды.
Года проходят – эхо отзвучало –
От наших мыслей тает в небе след:
Он – шире у возможного начала,
Он – уже у свершившихся побед...

16

Ошибкам, вспыхнувшем однажды,
Кем искупление дано? –
В пустыне выпавшую жажду
Возможно ль утолить вином?
Оно наполнит и рассудит,
И ум заснёт, а с ним – вина,
А там, за жертвенным посулом,
Её жестокость не видна.
Простится всё, что было больно –
Измена низкая и ложь,
Но раз рождённое тобою
Живёт – хоть бейся! –

Не вернёшь!

А тронешь вдруг – вину умножишь,
Проклятий оголтелый вой.
Их перекошенные рожи
Помчатся с визгом за тобой.
За счастье платят и удачей,
И жизнь баландой раздают,
А по удаче сердце плачет,
Слезами капает уют.
Тобой спасать приговорённых,
Любовь! –

Ничтожен твой удел! –

Зависишь ты от жалких тел,
От слов и мыслей оголённых.
Неужто ты – для одарённых?!

17

Чем дальше сказ, тем всё печальней тон.
Склоняю голову над строчками всё ниже –
Бутон опал. – Какой опал бутон! –
Мой голос глуше, расставанье – ближе...

Нет более сурового закона,
Чем юности написанный закон.
Бледнеет мир на чаше невесомой,
Когда с судьбой не совладеет он.
Для юности, талантом защищённой,
Ещё статистикой больной не обобщённой,
Простительны недетские мечты,
Порывы страстные в ристалища науки,
Как сплетнику, строчащему от скуки,
Перемывать приданное четы.

Но лучшее приданное – талант.
В него не облачишься, как в халат.
На синем фоне бледных мертвецов
Горит огнём одно его лицо.

Талант, талант,
Ты – соколиный глаз,
Ты в детской прозорливости прекрасен,
Для своего носителя – опасен,
В сраженьях – твёрд,
И хрупок – как алмаз...

Есть люди, заведённые судьбой.
С рожденья ими чья-то сила вертит,
И в их деяньях им страшнее смерти
Любой незапланированный сбой.
Любовь таким – печальней катастроф –
Служенье двум богам не приносило славы.
Воинственность богов страшней любой отравы
И даже – инквизиторских костров.

Я разорён непониманьем,

Как будто соковыжиманьем...
Как будто кошелёк украв,
Я вижу, чувствую – не прав!
Какое к черту в мире этом
Спокойствие!
Средь бела дня,
Тряся украденным билетом,
Читают мысли у меня.

Мне нужно – жертвовать
Собой,
А не Вселенной, не звездой,
Держать спидометр за пределом
Душой мятущейся и телом.
И цель – срастание умов
В произрастании томов.
Мне нужно рвать свои несчастья,
Как ласковых врагов гублю,
Как рвут в снежинки и на части
Записку с текстом: "Не люблю!".

Когда мелькнут обломки крыш
И треугольником – жар-птица,
Над мирозданьем воспаришь,
Чтоб на горе седой разбиться...

20

Она природу понимать устала,
Детей растила, фыркала, озлясь,
Коль замечала близко женский глаз...
Лечить его раненья перестала,
Сама ждала...
А Он, – слепой! – не видел.
Ах! Гордость женская!
Тебя понять бы мог,

Когда б ни плач любви у этих ног
Нас не толкал, любивших, – на погибель!

Он был оправдан в собственных глазах:
Без отдыха преумножая знания,
Как трудно нам переключить вниманье,
Когда лавина двинулась в мозгах!

Природа – не глупа, глупы бывают люди,
А иногда – умны, да мысль тревожить лень!
Ум притворится равнодушнее верблюда
В пыли дороги в самый жаркий день.

Начало белым сахаром растает,
Исчезнет с глаз, как не было его.
Упрямство добивается чего,
Шепча себе: "Покладистее станет"?

Когда бы вместо ржавого ружья
Вы целили в мужей зарядом ласки, –
О, женщины! – любили б вас мужья
До умопомрачения, до сказки!..

21

Произошло несчастье величиною с Жизнь –
Расколотые части углами не сошлись,
Как светофор печали покрасили пути,
В окошко постучали – с ума бы не сойти!
Теперь ночами кто-то под окнами стучит –
Серебряная нота взволнованно звучит.
И песнь его мелодий повторит флейта в нас,
А он – ночами ходит, большой, как контрабас.
Дрожащими рукам потянешься к нему,
И он тотчас растает, как звук в твоём доме.
Произошло несчастье величиною с ЖИЗНЬ –

Расколотые части углами не сошлись...

22

Как просто нынче умереть! –
Не надо браунинг вертеть,
Не надо заводить петлю –
Прочти во взгляде:
"Не люблю!".
Тогда под сердцем засосёт,
И за спиной мелькнут огни,
И жизнь не даст обратный ход
Для доживающего дни.

Как просто можно умереть!
И ночью можно не кряхтеть
От воя стонущих мозгов,
От хруста рухнувших мостов...

Когда устанет глотка петь,
Глотать проклятья и терпеть –
Не принял нитроглицерин...
И...

ты – один!...
И ты – один...

23

...Наукой не решить проблему века.
Чтоб жизнь замужнюю наполнили б стихи,
Мы платим за вселенские грехи
Гармонией амёбо-человека
И свойством разжижения крови:
Ничто – наука без святой идеи –
Вокруг в избытке давятся халдеи, –
Ничтожна жизнь без признаков Любви –
Нечистый на руку ещё надежду носит,

Нечистый на любовь – любовь износит.

Давно известны всем науки эти:
Кто больше рвался – меньше преуспел,
А правым оказался тот пострел,
Кто, притаясь, за печкою сидел
И на запятках ехал на карете.

Как часто мы бываем несерьёзны,
По виду – морщим лбы и грозны,
И поступь важная, и тяжела рука,
А мысль – убога и недалека!
Вдруг с пьедестала валится кумир –
Мельчаем сразу, быстро утомляем,
Любимым прегрешения прощаем
И устаём, прощая этот мир...
И забываем, что в созданьи ада,
Прощение самим себе лишь надо.

Ах, дети, дети, славен ваш порок,
Коль в нём находите своё отдохновенье –
Так тупится любое вдохновенье.
А взрослость где?
Давно уж тает срок...

24

...Закончили –

прощается Любовь...

Что б ни было – она не виновата.
Хоть ждёт мучений верная расплата,
К изгнаннице нас тянет вновь и вновь.

Какая боль!
Какая плачет боль! –
Слезами горькими душа остекленела,

Всё замерло на краешке предела,
И кончилась трагическая роль...

Но жизнь идёт...
Промчатся поезда.
Блеснёт надежда: может, снова счастье?
На миг один забудется ненастье,
И вспыхнет снова яркая звезда.
И улыбнётся прежняя раба –
Протянет луч и к ним в вагон заглянет.
И будто бы свою вину загладит
Седая невесёлая судьба.

Их пальцы рук во сне переплелись.
Белеют волосы, печальные, как горы.
Их память будто вымарала горе,
И снова души в целое слились...

И смотрят, как звёзды
качаются где-то,
И молят, чтоб не было дольше рассвета...

25

Я снова – на вокзале средь толпы –
Меня толкают.
Плачут и вздыхают.
Пронизан воздух новыми стихами,
Как нитями – гудящие столбы.

Вокзал, вокзал, твоя ли суета
Зовёт меня неведомо куда
Сквозь отголоски песенного чуда?
Но знаю точно – только бы отсюда!

С тобой связал начало и конец.

Геннадий Мирошниченко. Солнце. Поэмы

Я выбрал в жёны на твоём перроне
И еду до сих пор в одной вагоне,
И жизнь даю, как некогда отец.

Там, позади, – вокзальная черта
И станция, как белая мечта.
К ней рвался по накатанным дорогам
С билетом от порога до порога.

Теперь судьбе доказывать берусь
Обратные, казалось, теоремы –
Отходит поезд,
Напрягаю вены
На всем ходу
И без билета мчусь!...

Тула – Владимир, 1980 – 1983 гг.

БЕЗ ТЕБЯ

*«Ах, так! Будешь писать
новую книгу без меня!»...*

*

Новая книга не начата,
Старая – не окончена.
Жизнь – наподобие мячика,
Быть одному не хочется.

В том – роковое бессилие,
К книге женскую ревность
Может позволить красивая,
В гордости её ценность.

Ты – моя книга последняя,
Резкий звонок телефона,
Рядом – и Солнце весеннее,
И облаком скрытая зона.

Нам ли нужна квартира,
Где бы мы жили временно?
Наше – пространство эфира
Было Любовью промерено.

Нас проверяли и хуже
На неустойчивость вида,
А оказалось – о, ужас! –
Выше всего – обида...

*

Не совпали вектора –
Не проехало.

Счастье, бывшее вчера,
Стало вежами.

Захотелось ни с того
Ещё большего,
Завертелось колесо
Обид прошлого.

Мы давно уже равны –
Ошибался я.
Натяжение струны –
Оборвался я.

Сердце стонет на камнях,
Как ненужное.
Кто закончит за меня
Своё кружево?

Ты прости меня, прости! –
Я уже затих.
Мне бы только догрести,
Как закончить стих...

*

Не буду твой покой тревожить,
Своей любовью жечь тебя.
Ты для меня – меня дороже,
Живи, по прошлому скорбя.

Живи и радуйся с другими.
Возможно, я перехвалил.
Но вечно рядом с дорогими
Дороже будешь всех светил.

Геннадий Мирошниченко. Солнце. Поэмы

Просила помощь – получила.
Просила мысли – обожглась.
И вот сокрытая причина
Уже твоих коснулась глаз.

И ты меняешь на свободу
Любовь ко мне, забыв меня,
Непостоянству бурь в угоду,
Что кружат, страстностью маня.

Не буду больше мысли множить –
Но как же нежить и ласкать?
Не буду твой покой тревожить,
Своей любовью доставать...

*

Отпускаю, отпускаю – отпустил,
Не находит в себе сердце больше сил.

Иссякает, что ли, вовсе мой родник?
Не смиряюсь, как и раньше, что старик.

У тебя – своя дорога и свой Путь.
Хочешь прошлое не помнить – позабудь!

Позабудь меня и ласки – навсегда,
Коль решила, что от них – твоя беда.

Отпускаю, отпускаю – и лети.
Ты опять найдёшь попутчика в пути,

Не Учителя, а временную страсть.
Над тобой не властна никакая власть...

*

Может быть, под утро успокоюсь
И усну опять часа на два.
Птица вольная – моя совесть
Пробивается лишь едва.

Ночью жгучий Огонь Природы
Сердце вновь превратит в золу.
Вот из этой пустой породы
Мне б устроить прощальный салют.

А потом уснуть под оказию
Навсегда, навечно для всех,
Превратив Любовь в безобразие,
В бессмысленный страстью грех...

*

Не Учителем, мучитель,
Для тебя я стал давно.
Вдохновитель-разрушитель –
Психология кино.

Ты посеяла желанье,
Пожинаешь ураган.
Может, буря – по незнанию?
Может, буря – на стакан?

Может, я зачем-то нужен
Был тогда в твоей судьбе –
От друзей чтоб и подружек
Подарить покой тебе?

Ты свободу получила,
Хоть считаешь, что я – вор,

Идеального мужчину
Ищешь, ищешь до сих пор.

Ну а я – всего лишь помощь
Для души и в дни забот,
В ночь, когда от страха стонешь,
В дни, когда огнями жжёт.

В бесконечной гонке рыщешь,
Всех мешающих вина.
От хорошего ты ищешь
Лучшего, но не меня.

*

Наверно, я опять нарушу что-то –
Покой иль веру, может быть, – привычку?
Я столько раз об этом слышал ропот,
Но после получалось прелюбопытно.

Наверно, я опять же повторяюсь,
Как ментор, зазубривший две шпаргалки,
В реальной жизни так же потеряюсь,
Как до сих пор терялся среди свалки?

Наверно, я так надоел словами!
А надо, чтобы в сахар их макали,
Чтоб я смотрел влюблёнными глазами
И нежил тело гибкими руками.

Наверно, я совсем не подходящий
Под эту жизнь с трескучим лицемерьем.
И потому и мягкий, и пропащий,
Страдающий навечно неуменьем.

*

Не смотри на меня,
Не оглядывайся!
Не жалея и не лей слезу!
Прикоснёшься к чему, так радуйся!
А простишься – иди, как в грозу!
Я, наверно, устал в одиночестве.
Ты – единственный Свет Мечты.
Я боролся даже с пророчеством,
Доказательство – это ты!

*

Восстань, мой друг!
Стряхни чужую силу!
Ведь ты идёшь к таинственной Звезде.
И стань опять талантливой и милой,
И нужной всем – и Небу, и Земле!
Борьба в душе нужна для укрепления,
Чтоб много знать и многое уметь.
Но многим нам поможет твоё пенье –
Так пой, любимая! Тебя спешу согреть.

*

Не стану, милая, тревожить,
Не буду звать и отвлекать.
Моя душа, надеюсь, сможет
Издаюка тебя ласкать.
И если ветер вдруг коснётся
И Солнце нежным одарит,
То это – я, моё ты Солнце,
Мой гений тайный и пиит.
Ты посмотри – рассвет и радость
Опять несут волненья дрожь,
И туч в помине не осталось,
А это значит – ты придёшь.

Геннадий Мирошниченко. Солнце. Поэмы

Я всё прощу на этом свете –
Болезнь, тоску – всё, что болит,
Лишь пусть твой гений бурно светит
И нежность в строчках говорит.

Тула – Щёкино, 2004 г.

Размышление критика о поэме «Отражение»

Когда я напишу «Двенадцать», –
Не пожимайте мне руки!

Евг. Евтушенко

«Набор тщательно выверенных и ладно соединённых слов. Игра словами. Но сие – не цель поэзии. Может быть, одно из средств», – так думал я, начиная читать поэму об ушедших друзьях «Отражение» Геннадия Мирошниченко, напечатанную в литературном альманахе «У засечной полосы» (Щёкино, 2007).

Ещё думал: «А что такое поэма?». Ведь это не собрание стихов – кандидатов в афоризмы, стихотворных фрагментов, загадок, шарад. Вроде вот такого:

Восход веков томился над Элладой –
Слепой Гомер кормился Илиадой.

Или недоступное моему пониманию:

Одни и те же заданы вопросы
Моим друзьям и мне. Ответы где? –
Кристаллы голубые купороса,
Они растаяли
в накрывшем нас
дожде.

Лишь изредка попадаетея понятная простым смертным мысль:

Может, зависть,
а может, испуг –
Почему я – один?
Почему –
друг не друг?
Отчего,

Геннадий Мирошниченко. Солнце. Поэмы

разгораясь,
зудит в тишине –
Может,
дело – не в нём,
может, дело – во мне?

А вот яркий, оригинальный образ – не редкость:

Сколько звёзд!..
Сколько в Небе
погасших
костров!

Чем дальше продвигался в чтении, тем больше встречалось истинно поэтического. Но и вопросы множились. Рубленные строчки сменяются обычными, традиционными. Где рубеж, где обоснование? Пытаюсь отыскать – бесполезно. Своеволие поэта? Ну да, хозяин – барин! Однако, тот мастер (Г.М. – В. Маяковский) почему разрубал строки? Да чтобы избежать вот такого «Шибанов молчал. Из пронзённой ноги...».

Кстати, о подражаниях. Ведь невольно вспоминается из того же источника: «Не делайте под Маяковского...».

Появлялось желание поставить книгу на полку и тем завершить знакомство. Всего, что печатают, не прочитаешь.

Но что-то удерживало. В таких ситуациях нелишне руководствоваться советом ещё одного маститого стихотворца: «Прочти хотя б до половины. Авось, прочтёшь и до конца». Читаю, продвигаюсь. Но сверлит: сколько раз такое продвижение оборачивалось элементарной потерей времени!

И всё-таки хотелось убедиться: что передо мной? Набор тщательно выверенных слов, рифм, аллитераций, среди которых есть несомненные блёстки поэзии, или нечто большее?

Терпение вознаграждалось. Всё больше появлялось восклицательных знаков – действительных, а не от скепсиса или иронии.

Геннадий Мирошниченко. Солнце. Поэмы

Да здравствует Жизнь!
Чтобы в ней не слышали,
Что где-нибудь
кто-то
 кормился
 стихами!

Вот это здорово. Мне такое близко.

Продвигаюсь, продвигаюсь... Вижу: произведенное строится из рассказов. Рассказ первый: Призвание. Гм... Неясно. Рассказ второй: О времени. С трудом доступно. Рассказ третий: Солдат. Ну, тут всё просто. Ничего нового. (Может, ПРОЯСНИТСЯ В ДАЛЬНЕЙШЕМ?). рассказ четвёртый: Идеалы. Стоп! Что-то начинается. Что-то настоящее. Доступное мне, грешному. Посмотрим, посмотрим.

А нас убьёт
 пренебреженье,
По душам родственным
 движенье
Отрав
 из ядовитых трав
Проросших в нас
 обманных прав
На обладание друг другом...

Раскрывается тема отсутствия друга, причин такого несчастья.
Или вот – боль нашего времени:

Сколько нынче свободных
От мужей,
 от детей,
 от семей,
От отцовств,
ОТ ЛЮБВЕЙ,

Ужас. Мрак.

Но вот рассказ шестой: Весна. Можно, оказывается, жить без любви, без друга. Так утверждает автор. А что же ту весну породило? Ну, что порождает весну... Она неизбежно рано или поздно приходит сама по себе. Естественный ход природы.

Повествование завершается. Заключение «от автора» подводит черту под всеми рассказами. Хочется светлого финала. Ну, не финала, так хотя бы какого-то философского вывода.

«Облако в штанах» оборачивалось в 1915 году чудовищным бунтом, призывом крепить у мира на горле пролетариата пальцы. Три ГОДА СПУСТЯ ДРУГОЙ ВЕЛИКИЙ ПОЭТ ДАЛ слово героям: «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем».

Геннадий Мирошниченко в другое время по-своему выстрадал своё. И лирическому герою вместо пальцев на горле и мировых пожаров в крови даёт Весну в награду. Вместо отчаяния бунтаря, достававшего из-за голенища сапожный ножик и рвавшегося с ним на Господа Бога за то, что Тот не замечает человеческих страданий. Кто-то всё-таки понял: ничего путного из океана злобы не выловишь. Мирошниченко оказывается мудрее Маяковского. И хоть не осмелится наш стихотворец сказать агитатору-горлану-главарю: «Мы стоим почти что рядом» – но чувства добрые смельчак пробуждает. И это есть хорошо. Во всяком случае лучше, чем пробуждать злобу.

А что касается времени... Пройдя через его горы и пропасти (если сумеют!), наши уважаемые товарищи потомки, может быть, увидят, окажется ли век двадцать первый мудрее двадцатого:

Года размалывают зубы
И утончают оптимизм,
И мысли – памяти простуды –
Перетрясают организм
И прибавляют по довеску:
То – благородную болезнь,
То – взор, начищенный до блеска,

Геннадий Мирошниченко. Солнце. Поэмы

То – равнодушие,

то – лесть.

Итак, дочитал. И не только не жаль потраченного времени, но чувствую себя обогащённым. Мирошниченко написал ПОЭМУ. Можете, если угодно, не пожимать ему руки.

14.02.08

Сергей Норильский

Оглавление

ОТРАЖЕНИЯ. Поэма об ушедших друзьях	3
Вступление.....	4
От автора.....	4
Рассказ первый. Призвание	5
Рассказ второй. О Времени	10
Рассказ третий. Солдат	23
Рассказ четвёртый. Идеалы	30
Рассказ пятый. Жить.....	41
Рассказ шестой. Весна.....	51
От автора.....	53
<i>СОЛНЦЕ</i>	57
<i>НАЧАЛО</i>	64
Пролог	65
Глава I. Земля.....	66
Глава II. Дом	69
Глава III. Учителя	73
Глава IV. Дед.....	80
Глава V. Мать.....	84
Глава VI. Встреча.....	90
Глава VII. Память	96
Эпилог	102
<i>ЛЮБОВЬ</i>	104
<i>БЕЗ ТЕБЯ</i>	127
Размышление критика о поэме «Отражение»	135
Оглавление.....	141
Об авторе.....	142

Об авторе

Геннадий Мирошниченко, литературный псевдоним – Геннадий Мир – поэт, прозаик, публицист, автор музыки. Член Союза российских писателей, членский билет № 00401. Член Союза песенников России. Личная страница в Союзе Российских писателей: <http://www.writers.ru/writers-members.html#12>.

Психолог, философ, кибернетик, кандидат технических наук, автор более тридцати книг и монографий по Духовной Этике, высшей критериологии, духовной психологии, альтернативной медицине.

Автор открытия критериального сознания и всеобщей критериальности Природы.

Действительный член Международной Академии Наук «Информация, связь, управление» (МАИСУ) г. Санкт-Петербург.

На основе работ Г. Мирошниченко по медицине российскими учёными (доктор медицинских наук, профессор А.А. Алексеев и другие, г. Москва) создана новая теория медицины и биологии (Алексеев А. А., Ларионова И. С., Дудина Н. А. Системная медицина (От чего погибнет человечество). Пер. с английского / Серия: Соединительнотканная биология и медицина XXI века. Издание 3-е, дополненное, переработанное. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 568 с.). В этой монографии указывается: «Нужно сказать, что именно книги Г.Г. Мирошниченко заставили нас при подготовке этого издания пересмотреть многие проблемы из только что перечисленных выше. Оказалось, что концепция психоанализа Фрейда, стрессорно-адаптационная теория Селье, теория нервизма Павлова-Сеченова требовали немедленного пересмотра с позиций интегративных, самоорганизующихся, самооздоравливающих функций соединительной ткани, которая определяет суть биоэнергетических и энергоинформационных процессов в человеке. В том числе и благодаря работам этого замечательного учёного и практика я предложил новые категориальные понятия для соединительнотканной теории биологии и медицины (...) Именно общение с такими людьми, как Г.Г. Мирошниченко, и позволяет сделать для себя новые обобщенные заключения, открытия» (с. 513 – 514).

Во многих других книгах авторов новой теории медицины и биологии даются ссылки на работы Г. Мирошниченко.

Геннадий Мирошниченко. Солнце. Поэмы

Автор музыки на свои стихи и на стихи Татьяны Леоновой:
<http://www.genmir.org/16.htm>.

В 2008 г. организовал Интернет-Союз песенников России:
<http://tspr.genmir.ru>. Учредитель Интернет-Академии русской народной поэзии: <http://академия-поэзии.рф>.

Полностью книги и персональные литературные издания Г. Мирошниченко опубликованы в Интернете: <http://genmir.ru/Books>.

Выпущены авторские музыкальные издания, аудиодиски: «*Душа моя. Песни и романсы на стихи Татьяны Леоновой и Геннадия Мира*. CD-Альбомы 1,2,3,4», «*Это жизнь. Романсы и песни Татьяны Леоновой и Геннадия Мира в исполнении солистки Тульской Областной филармонии Татьяны Дёминой*», «*7-я весна «Орфея» и другие*»: <http://www.genmir.org/16.htm>.

В 2010 году авторский коллектив аудио- видео-альбома «*Странница. Стихи и песни о святых местах России*» (Татьяна Леонова, Геннадий Мир и солистка Тульской Областной филармонии Татьяна Дёмина) был отмечен Грамотами Тульской Духовной семинарии: <http://prtf.genmir.ru/15.htm>.

Учредитель и главный редактор постоянно действующей (с 2005 г.) в Интернете этической конференции «*Человек Будущего и критериальное сознание. Выход из глобального кризиса*»: <http://conf.genmir.ru>. Главный редактор материалов этой конференции (Том 1 и Том 2 изданы в принт-издании в 2005 г., Тома 3 и 4 опубликованы в Интернете).

Составитель, издатель и главный редактор альманаха «*Поэтическое братство*» (2006 г.) и нотного сборника «*Душа моя. Романсы и песни на стихи Татьяны Леоновой и Геннадия Мира*» (2007 г.).

Составитель и главный редактор принт-изданий: «*Антологии русской народной поэзии XXI века*» (тома 1 – 7, сайт: <http://ant.poetbratstvo.ru>) и «*Яснополянские зори*» (тома 1 – 5, сайт: <http://яснополянские-зори.рф>).

Неоднократный лауреат и дипломант поэтических и музыкальных фестивалей и конкурсов. Победитель поэтического конкурса Центрального телевидения СССР 1978 г.: поэме «*Начало*» было присуждено первое место. В 2014 г. на всероссийском фестивале авторской поэзии и песни в г. Сыктывкаре его песня «*Душа ещё живёт*» стала лауреатом.

Геннадий Мирошниченко. Солнце. Поэмы

Литературно-художественное издание

Геннадий Мирошниченко. Солнце. Поэмы

Личная страница в Союзе Российских писателей:
<http://www.writers.ru/writers-members.html#12>

УДК 821.161.1(470.312)

ББК 82.3 (2Рос) 6

М 63

ISBN 978-5-

Фотохудожники: Г. Мир и Т. Леонова
Тексты печатаются в редакции автора.

Подписано в печать 11.08.2016.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Печ. л. 9.
Тираж – печать по требованию.
Шрифт "Таймс".

Издатель: Пряхин Владимир Константинович,
300035, г. Тула, e-mail: gemma112@yandex.ru,
Тел (4872) 38-46-08.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ИПП ПРЯХИН, г. Тула